

А. В. ЯКОВЕНКО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И РОССИЯ

**О ЧЕМ ГОВОРИТ
НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ**

2023

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И РОССИЯ

**О ЧЕМ ГОВОРИТ НОВАЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ**

2023

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И РОССИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте этого года Президент В.В. Путин утвердил новую редакцию Концепции внешней политики России. Она готовилась на фоне резкого обострения отношений между Россией и Западом в связи с Украинским кризисом, который был искусственно спровоцирован внешними силами и привёл к госперевороту в феврале 2014 года. С тех пор Украина подверглась массовой милитаризации и нацификации, превратившись в серьезную угрозу безопасности России – не только военно-политической, но и на уровне идентичности и истории, то есть самому существованию исторически сложившейся российской государственности.

Все усилия Москвы разрядить ситуацию и развернуть развитие событий в соседней и исторически близкой Украине в направлении ее превращения в современную европейскую страну, включая ее федерализацию и урегулирование внутреннего гражданского конфликта на основе общепринятых норм и принципов (на это были направлены четырехсторонние Минские соглашения от февраля 2015 года), были саботированы как киевскими властями, так и западными столицами. Более того, Киев, а затем А. Меркель и Ф. Олланд публично заявили, что вовсе не собирались выполнять взятые на себя обязательства, а подписанные соглашения мыслились как способ выиграть время для перевооружения Украины. Это в корне подрывало доверие России к Западу, который накануне российской СВО на Украине отверг предложения Москвы дать гарантии безопасности России в свете превращения Украины в орудие его антироссийской политики.

России пришлось реагировать превентивно на то, что имело все признаки косвенной агрессии и превратилось в гибридную войну нового типа против нее коллективного Запада. При этом Москва действовала открыто и с учетом уроков, извлеченных из собственной истории, включая вероломные нападения Запада – наполеоновской Франции в XIX веке и нацистской Германии 22 июня 1941 года. Налицо очередное проявление восьмивекового «натиска на Восток» западной цивилизации, усматривающей себе угрозу в самом факте существования цивилизационно чуждой ей России.

В истории взаимоотношений между Западом и Россией было много конвергенционных моментов, включая модернизацию самой России и ее роль в создании социально-ориентированного государства на Западе, что на полвека обеспечило устойчивость развития западного общества после его комплексного кризиса начала XX века, вылившегося в две мировые войны. Сейчас ситуация не менее чревата глобальным конфликтом. Наступил конец 400-летнему доминированию Запада в мировой политике, экономике и финансах. Неолиберальная экономическая политика и современный вариант глобализации привели западное общество к новому кризису, выход из которого требует его трансформации – не менее радикальной, чем та, на путь которой вступила Россия 40 лет назад. Но западные элиты упорно пытаются сохранить свою гегемонию, которая превратилась в способ существования за счет всего остального мира. Наибольшую ренту из этой гегемонии извлекают США, контролирующие созданную ими в послевоенный период глобальную валютно-финансовую систему, основанную на доминировании доллара, который потерял золотое обеспечение в 1971 году.

У Запада была возможность сделать свою империю инклюзивной, кооптировав в нее другие центры формирующейся многополярной системы глобального управления, и избежать нынешней геополитической революции, рассматриваемой в западных столицах как катастрофа. У той же Америки была возможность после окончания холодной войны и распада СССР сосредоточиться на своих проблемах, как к этому призывали дальновидные политологи. Но выбор был сделан в пользу расширения НАТО в направлении границ

новой России, отказавшейся от советской идеологии и проявившей абсолютную открытость Западу и всему миру.

Как и предупреждал Джордж Кеннан, это «наиболее роковое» решение обернулось острым геополитическим конфликтом с Россией, которой в сложившихся условиях только и остаётся признать иллюзией идею «встраивания» в исторический Запад и четко и внятно (для себя и всего мира) самоопределиться в соответствии со своей культурой и историей. Это тем более необходимо, что многополярность отражает присущее миру культурно-цивилизационное многообразие, которое подавлялось Западом на протяжении веков, в том числе в форме неокOLONиальной зависимости бывших колониальных владений и территорий. Именно последние государства составляют Мировое большинство, к которому причисляет себя и Россия. В их числе и другие государства-цивилизации, такие как Китай и Индия. Западу придётся пройти болезненный тест на культурно-цивилизационную совместимость с остальным миром, нормализоваться как еще одна цивилизация и еще один регион.

В этом русле и развиваются события на мировой арене. Запад сжимается, а не расширяется, подвергая себя самоизоляции от подавляющего большинства государств и идя на создание узких замкнутых альянсов по типу англосаксонского AUKUS в составе США, Великобритании и Австралии. Так что истоки нынешнего упадка и «эволюционного загнивания» Запада лежат в политике его элит, которые не хотят и, видимо, не могут адаптироваться без потрясений – внутренних и внешних – к реалиям современного мира, вышедшего из-под их контроля.

Содержание Концепции свидетельствует именно об открытости России миру и ее готовности играть балансирующую роль в мировых делах, в русле своей культурной и исторической традиции выступать на стороне правды и справедливости. Мы не закрываемся от Запада, не отказываемся от европейской части своего исторического и цивилизационного наследия. Но будем действовать сообразно обстоятельствам и собственному пониманию своих национальных интересов. Как никогда прежде, в этой Концепции Россия выступает

как абсолютно предсказуемая величина глобальной и региональной политики – вещь крайне дефицитная в наши дни, и в этом можно усматривать уникальный российский вклад в обеспечение надлежащей определенности мирового развития, в общие дела человечества.

I

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года говорил о «рубежном для нашей страны времени», о том, что это «время вызовов и возможностей». На митинге в Лужниках на следующий день он охарактеризовал СВО на Украине как «бой на наших исторических рубежах». Президент четко определил, что в который раз Россия столкнулась с агрессией Запада, который использует в своих целях Украину в ее советских границах, готовил ее к «большой войне». Соседнюю братскую страну после прошедшего там в феврале 2014 года госпереворота реформатировали как анти-Россию. К власти пришел нацистский режим, а страна подверглась ускоренной милитаризации, накачивается западным оружием.

Никто на Западе теперь не скрывает, что за ширмой Минских соглашений 2015 года, одобренных Советом Безопасности ООН и призванных урегулировать гражданский конфликт на Украине на основе международно признанных норм и принципов, преследовалась цель нанести России если не военное, то «стратегическое поражение», дабы дестабилизировать положение в нашей стране, добиться смены власти и создать условия для ее расчленения и ядерного разоружения. Запад действовал вероломно в своем стремлении окончательно решить «русский вопрос», раз и навсегда, на всю историческую глубину разрешить конфликт с Россией, восходящий к первому «натиску на Восток» со стороны Западной Европы под руководством Римской церкви в первой половине XIII века.

Тогда, в 1204 году, крестоносцами был взят Константинополь и на месте Византии, от которой Россия получила православие, была создана Латинская империя, просуществовавшая полвека. На севере на призывы римских пап, начиная с Иннокентия III, к борьбе со «схизматиками» (вероотступниками), под которыми понимались русские, ответили шведы и Ливонский орден. Им нанес сокрушительное поражение Александр Невский, который сделал свой исторический выбор в пользу сохранения независимости Руси и веры ее народа

как основы нашей идентичности, даже ценой подчинения Орде¹. Как показывает история, Петровская модернизация, ликвидировав очередную угрозу территориально-политического переустройства всей Восточной Европы в интересах Запада, ввела Россию в европейскую политику и ее расклады, которые обернулись вторжением Наполеона в 1812 году, участием России/Советского Союза в двух мировых войнах ценой Русской революции 1917 года, Гражданской войны и иностранной интервенции, а также Великой Отечественной войны. Всегда Россия спасала независимость европейских государств от имперских посягательств, будь то Парижа или Берлина, ценой невероятных жертв и страданий.

В духовно-нравственное основание современной России легла Великая Победа 1945 года над нацистской Германией, и именно она стала объектом нынешнего «натиска на Восток» с его не только военной угрозой России, но также угрозой нашему народу на уровне идентичности и истории, то есть самому его выживанию и праву на историческое творчество. Если восемь веков назад Западная Европа находилась под руководством Римской церкви, то сейчас – под «американским лидерством». Вторая мировая ликвидировала внутризакпадную биполярность, приведя к американской оккупации Германии и Японии. И новый натиск объединенного Запада принял форму «двойного расширения» – НАТО и Евросоюза – на Восток после окончания холодной войны и распада СССР. Со временем Вашингтон более внятно сформулировал свою цель, учтя итоги глобализации, которая привела к подъему Китая и способствовала росту многополярности. Теперь речь идет о двойном сдерживании – России и Китая, которое на Украине в силу затяжного характера конфликта переходит в горячую фазу войны на два фронта. Россия приняла на себя первый удар, действуя превентивно, не дожидаясь повторения трагедии 22 июня 1941 года. Будучи не готовым к такому развитию событий, Вашингтон рискует уже на Украине заочно проиграть противостояние с главным вызовом своей гегемонии – Китаем. Это, похоже, побуждает искать пути переговорного урегулирования

¹ См. Александр Невский. Государь, дипломат, воин, М: Архитектура-С, 2014, стр. 159-172.

на Украине, сорванного, по свидетельству бывшего премьер-министра Израиля Н. Беннета, весной 2022 г. самими же американцами. Разумеется, урегулирования на своих условиях.

Далеко не последнее значение имеют представления о лежащих в основе мироощущения западных элит культурно-цивилизационных характеристиках. В октябре 2022 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент В.В. Путин говорил именно об этом – о том, что основу мировой цивилизации составляют «традиционные общества Востока, Латинской Америки, Африки и Евразии». При этом он отмечал «исчезновение творческого потенциала самого Запада», его «стремление сдержать, блокировать свободное развитие других цивилизаций». Нельзя не согласиться и с С.А.Карагановым, который писал («Российская Газета», 26 октября 2022 года): «Общемировой смысл схватки на Украине – возвращение не-Западу/Мировому большинству, которое раньше подавляли и грабили, культурно унижали, свободы, достоинства и самостоятельности. И, конечно, справедливой доли в мировом богатстве». Разрушение этой основы многополярности и справедливого мироустройства стало главной целью американской внешней политики на современном этапе. Так, еще в 2019 году нынешний советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан откровенно писал в журнале «Атлантик», что условием победы концепции американской исключительности может быть только «разгром парадигмы, выдвигающей на первый план этническую и культурную идентичность»². Получается, разрушать одну идентичность другой – российскую украинской, «разделяй и властвуй», как в старые колониальные времена?

Именно в таком геополитическом контексте формулировалась новая Концепция внешней политики России, утвержденная Указом Президента 31 марта 2023 года. В ней впервые Россия определяется как «самобытное государство-цивилизация» в ряду других таких государств, как, например, Китай и Индия, а также как «обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава». То есть ставится задача нашего культурно-цивилизационного самоопределения, которому

² Цит. по «Россия в глобальной политике», март-апрель 2023 года, стр. 62.

в равной мере препятствовали самодержавная и советская власти. Более того, Россия «в качестве одного из суверенных центров мирового развития выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил»³. Сохраняя преемственность по отношению к прежним документам стратегического планирования, Концепция творчески их развивает и вносит другие важные новации, продиктованные императивами текущей геополитической ситуации. Так, в ней говорится об изменении системы региональных приоритетов нашей дипломатии, где упор в развитии сотрудничества будет делаться на страны незападного мира (или Мирового большинства), при том что мы не считаем себя врагом Запада, «развязавшего против нас гибридную войну нового типа».

В условиях, когда «повышается роль фактора силы в международных отношениях», «подвергается испытанию на прочность международно-правовая система», «снижается эффективность дипломатии как средства мирного урегулирования споров» и «остро ощущается дефицит доверия и предсказуемости в международных делах», Россия «намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами», включая использование своих Вооруженных сил по Статье 51 Устава ООН для «отражения и предотвращения нападения» не только на себя, но и на своих союзников. В числе прочих задач ставится восстановление роли ООН в качестве центрального координирующего механизма сложившейся в послевоенный период международной системы, «формирование справедливого и устойчивого миропорядка» на основе принципов верховенства международного права и неделимости безопасности. Все это и многое другое относится к выстраиванию наших отношений с США, что свидетельствует о назревшей качественной переоценке масштабов угрозы для нас и всего мира, исходящей от претензий Вашингтона на исключительность и гегемонию.

Наверное, в этой связи придется признать, что долгое время Россия была незаменимым участником европейской политики,

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/.

хотя и со своими особенностями, а Советский Союз реализовывал на практике продукты европейской политической мысли, причем отнюдь не худшие, если сравнить с такими специфическими продуктами Западной цивилизации, как колониализм и фашизм/нацизм. Таким образом, биполярность холодной войны представлялась своего рода директорией по управлению миром Европой, источником напряжения в которой служила идеологическая, военно-политическая и иная конфронтация. А мирное сосуществование стало для Запада формой замораживания конфликта с Россией.

Исчерпанность сложившейся модели капитализма (мирового хозяйства), бесконечный рост потребления, финансиализация всех отраслей, стирание грани между реальным и виртуальным ведут к фатальному размыванию этической основы, благодаря которой капитализм когда-то был механизмом обеспечения прогресса (эта проблема актуальна и для России). В неизбежный тупик зашел потребительский социокультурный уклад. Собственно, в этом источник и кризиса развития в третьем мире: все было пущено на самотек и отдано на откуп рыночной стихии, в особенности в последние 30-40 лет, когда сложившиеся механизмы содействия международному развитию обслуживают неоколониализм. Именно вследствие позиции Запада эта проблема, как и в целом выработка коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, осложняется. Достаточно сослаться на признаваемую многими независимыми экспертами причастность Вашингтона к созданию ИГИЛ из остатков суннитского баасистского режима С. Хусейна в Ираке (оставшиеся не у дел в результате американского вторжения офицерский корпус и военная разведка). Как тут сотрудничать, когда США участвуют в создании региональной теругрозы, а затем ее используют для оправдания попытки свержения законного правительства Сирии и своего незаконного военного присутствия в этой арабской стране?

В целом нарастают глобальные проблемы, решение которых по большей части имитировалось, да еще в явно корыстных и односторонних вариантах – ухудшение природной среды и климата, пандемии, усугубление социального неравенства, ухудшение ситуации

с доступом к продовольствию и т.д. Страдают и сами западные страны, испытывающие миграционное давление с юга.

Изменяется сущность самого капитала, параметры трансформации которого предстоит понять. В мировой политической экономике происходит коренное изменение. Реальные активы – сырье, продовольствие, пресная вода, энергия – начинают быстро теснить виртуальные производные – финансы, информационные потоки. На этом фоне обострение, вызванное санкциями в связи с СВО, ускоряет давно необходимые изменения в российской экономике и экономической политике. Национализируются активы, национализируется общественное сознание, без чего невозможна мобилизация духовных сил страны. Этими процессами предстоит научиться управлять.

Рамки своекорыстных интересов Запада оказались слишком узкими для мирового развития, в том числе в них невозможно независимое развитие России и Китая. В этом состоит экзистенциальный конфликт западной системы координат с нашими национальными интересами. В любом случае пока ничто не говорит о дееспособности Вашингтона, его готовности к смене курса даже в вопросах, где он мог бы проявить гибкость, пусть даже продиктованную сиюминутными, конъюнктурными внешнеполитическими интересами.

Одна из важнейших черт нынешнего мирового переустройства – острый конфликт между глобальными либеральными империалистами, захватившими верхние позиции в мировой экономике и политике последних десятилетий и опирающимися на постчеловеческие ценности – ЛГБТизм, ультрафеминизм, отрицание родины, истории и т.д., и условными патриотами, в том числе в правящих кругах Запада, исповедующими традиционные ценности. Эти ценности преобладают в незападном мире, который составляет Мировое большинство. Россия оказалась на острие этого противостояния.

Есть и более узкие причины изменений. Среди них – деградация руководящих элит большинства западных стран и небольшой части стран МБ – в том числе из-за длительного периода сравнительно спокойного развития относительно демократических политических систем. Проблемы вышли наружу с войной в Ираке и глобальным

финансовым кризисом 2008 г. Получилось так, что ни одной войны не выиграно, кроме холодной, и символом этого выигрыша и одновременно проигрыша является Россия. Поэтому провоцирование кризиса вокруг Украины, обострение враждебности с Россией, начавшееся полтора десятилетия назад, – ключевой элемент попыток Запада удержать свою привилегированную позицию, своего рода эндшпиль его военного доминирования. Россия ограничивает возможности Запада использовать ее в качестве ресурсной базы, но главное, стала символом сопротивления, формулирует альтернативное видение миропорядка и его основ. Россию будут пытаться расшатать и для того, чтобы оголить тыл главного стратегического соперника США предстоящих десятилетий – Китая.

Политика удушения России – это всерьез и надолго. Но продолжатся и процессы саморазрушения Запада. Поскольку их зерна были заложены на рубеже 1980-х гг., можно утверждать, что Советский Союз оказался лидером в этой гонке саморазрушения. Сейчас ситуация иная: запущенные тогда на Западе процессы входят в завершающую фазу, ставя вопрос о его радикальной трансформации в соответствии с требованиями времени, они лишь временно приостановлены консолидацией против России (и пока частично Китая). В то же время Россия пережила этап саморазрушения и «сосредоточивается» в горчаковском понимании этого слова. Так что процессы на Западе, в России и в остальном мире разнонаправлены.

Реальные изменения в западной политике вероятны только через несколько электоральных циклов, если и когда там произойдет полноценная смена поколений политических элит. То есть предстоит своя перестройка, но прежде должно прийти осознание ее необходимости. К сожалению, исторический опыт показывает, что врожденная неспособность западных элит «делиться» ни внутри, ни вовне ведет в тупик, как это уже было в первой половине XX в. Такой вариант вновь возможен – как всегда, ради «выживания человечества» или даже демократии – скажем, в форме тотальной биометрической слежки. Как лыко в строку, ложатся все категории классического фашизма, включая подавление инакомыслия, концлагеря, чрезвычайное положение. Охранительный характер таких идей выдают

призывы «верить властям и СМИ». Только время покажет, сможет ли вторая попытка фашизации теперь уже всего Запада иметь успех. Если рядовых россиян, включая спортсменов, спрашивают об их отношении к СВО, то о какой тайне голосования и свободе совести можно будет говорить применительно к самим западным странам?

История подсказывает, что аналогичный кризис западного общества на рубеже XIX и XX веков разрешался мучительно и трудно: для этого потребовались две мировые войны и опыт Великой депрессии. Только тогда США и Европа вышли на социально-ориентированную экономику, которая придала капитализму второе дыхание. Содействовал такой трансформации «вызов Советского Союза» – именно с ним был связан императив «социализации» экономики западных стран. Сейчас это вызов высокотехнологического управляемого китайского общества. Пока защита Западом своего доминирования сводится к простой схеме – или статус-кво, или хаос, от которого пострадают все. Кризис либерализма, самой либеральной идеи и видимая мутация западной демократии в направлении «либерального тоталитаризма» указывают в этом направлении.

В ближайшее десятилетие эти и ряд других системных факторов (продовольственный, энергетический, климатический кризисы и т.д.) приведут к нарастанию международной нестабильности и конфликтности, особенно на Юге, а в перспективе 5-10 лет – снова в Европе. Веймаризация характерна для самих США, что указывает на еще одно измерение общности Запада. Эти процессы могут проходить по-разному в разных частях исторического Запада. Вне зависимости от того, как и когда завершится специальная военная операция (СВО), уровень военной угрозы – в мире в целом и конкретно для нашей страны – останется крайне высоким. И даже может возрасти из-за эскалации этого или иных неизбежных конфликтов, но также внутреннего состояния общества в странах Запада. Нельзя забывать, что веймаризация – это когда демократия не работает в интересах элит, дает сбой, и тогда элиты ищут выход на путях тоталитарного контроля над населением.

Противостояние сегодня гораздо острее, чем холодная война второй половины XX века. Запад сделал ставку не просто на сдерживание (containment), а на уничтожение Российского государства в нынешнем виде. Война не перерастает в прямую военную конфронтацию только из-за наличия у Российской Федерации мощного ядерного потенциала. Всеобщий кризис нормативно-правовой системы уже распространился на военно-политическую область, что резко усугубляет риски.

Считавшаяся достижением СССР система контроля над вооружениями находится в состоянии демонтажа в результате действий США, стремящихся освободиться от ограничений эпохи американо-советской биполярности. Надо признать, что, если Карибский кризис случился до контроля над вооружениями, сейчас мы вступаем в эпоху после контроля над вооружениями. Если проводить аналогию с Карибским кризисом, то Украинский кризис – это не изолированное, двустороннее геостратегическое явление. Речь идет о комплексном геополитическом событии, сводящем воедино множество факторов и имеющем множественные последствия для Запада, России и всего остального мира. Неизвестно, что будет с режимом нераспространения ядерного оружия, который держался на биполярной конфронтации с ее правилами и в нынешних условиях себя исчерпал, включая свою международную легитимность (на это указывает кризис Обзорного процесса ДНЯО и вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г.).

Если суммировать, налицо кризис пятивекового доминирования Запада в глобальной политике, экономике и финансах, а также на уровне ценностей и идей (поскольку речь идёт о доминировании специфической западной цивилизации). Можно говорить, что неформальная глобальная империя США/Запада, включая Бреттон-Вудскую систему, – это последняя империя.

Запад упустил время для критической переоценки ситуации у себя и реформирования социально-экономической политики, в которой тон задавала рейганомика/тэтчеризм. Об этом заявил Глобальный финансовый кризис 2008 года. Кризис на Западе стал

глобальным потрясением, как в своё время европейские кризисы привели к двум мировым войнам. Отсюда многие другие тренды.

Деглобализация (авторство термина применительно к современной эпохе принадлежит бывшему премьер-министру Великобритании Гордону Брауну) означает кризис ведомой инвестиционными классами западных стран глобализации, противоречия которой, как и глобализация кануна Первой мировой войны, привели к нынешнему кризису глобального управления. С одной стороны, глобализация привела к подъёму всего остального мира, с другой – вызвала кризис западного общества – с отрывом космополитичных элит от остального населения, резким сокращением занятости, разрушением среднего класса, ростом неравенства, стагнацией потребительского спроса, дисфункцией партийно-политических систем и кризисом их легитимности (послевоенный «общественный договор» предусматривал социально-ориентированную экономику, которую предал неолиберализм на рубеже 70-80-х гг.). Охранительная реакция западных элит на деглобализацию, их стремление во что бы то ни стало сохранить своё доминирование только усугубляют кризис глобального управления.

Деглобализация означает также необходимость базовой самодостаточности государств, особенно из числа ведущих, так как они могут стать объектом односторонних противоправных санкций. Россия на протяжении целого ряда лет была вынуждена двигаться в этом направлении вследствие санкционного давления Запада и потому в большей мере, чем остальные страны, оказалась в этом тренде.

Готовность Запада к ведению фактически тотальной экономической войны, невзирая на последствия для себя, ставит в повестку дня императив способности государств обеспечивать базовую жизнедеятельность, то есть насущные нужды своего населения – в продовольствии, тепле, электроснабжении, горячей и холодной воде. Именно этим преимуществом обладает Россия по отношению к тем же странам ЕС, что напоминает ситуацию Средневековья, когда пространство, ставшее позднее Российской Империей, могло в достатке обеспечить своё население пресной водой и теплом.

Практически повсеместный (в Азии, Африке и Латинской Америке) кризис развития постколониальных стран говорит о создании условий для второй волны деколонизации, на этот раз – освобождении от неоколониальной зависимости, прежде всего посредством восстановления контроля над своими природными и иными ресурсами.

Одним из следствий деглобализации является регионализация глобальной политики – укрепление регионального уровня управления с соответствующими институтами и инструментами, включая поиск региональных решений региональных проблем (например, Астанинский процесс по Сирии, Московский – по Афганистану), что страхует мировое сообщество на время формирования нового миропорядка. Его отличительной чертой будет наличие сильных региональных кластеров. Самоизоляция Запада вполне отвечает этому общему тренду.

Кризис любых иерархических построений в международных отношениях, на смену которым приходят условно мягкие формы межгосударственного сотрудничества, основанные на общности интересов и стремлении их продвигать совместными усилиями. Они открыты и инклюзивны, обладают изменяемой геометрией и огромным потенциалом дальнейшего развития, идут от жизни. Ярким воплощением этого тренда являются ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Они противостоят унаследованному из прошлого громоздким, с жесткой союзнической дисциплиной военно-политическим альянсам, создававшимся для ведения войн: в этом состоит главная причина кризиса НАТО, ставшего на путь агрессивного продвижения на Восток в целях искусственного поддержания своего *raison d'être*.

Нет оснований полагать, что миру грозит новое однополярное доминирование или двуполярная «директория» – так называемая Большая двойка или Кимерика в составе США и Китая, предложенная, как это ни странно, Г.Киссинджером. Интересы двух стран во многом расходятся и между ними отсутствует доверие, необходимое для создания такой конфигурации. В Пекине справедливо рассудили, что речь идёт о его согласии на роль младшего партнера Америки

и ответили четким «нет» на такой неформальный зондаж. Дело еще и в том, что для столь тесного сотрудничества – сверх отношений равноправия и готовности учитывать интересы друг друга – нет никаких объективных оснований. Реакция США не заставила себя ждать: Вашингтон встал на путь сдерживания Китая, а то и его полной изоляции и закрытия (как это было провозглашено администрацией Д.Трампа).

В то же время объективно существует геополитический «треугольник» США–Россия–Китай, в рамках которого могли бы решаться некоторые насущные вопросы глобальной политики, прежде всего вопросы стратегической стабильности в мире.

Закладывается основание для полицентричного миропорядка, который в принципе был предусмотрен привилегированным статусом пяти постоянных членов СБ ООН (принцип их единогласия). Появляются новые центры экономического роста и политического влияния на глобальном и региональном уровнях, что косвенно признаётся созданием в результате Глобального финансового кризиса 2008 года формата саммитов Группы двадцати в составе западной «семерки», стран БРИКС и ведущих региональных держав (на них приходится порядка 85% глобального ВВП). Этот естественный процесс сопровождает упадок/распад глобальной гегемонии Запада, ставшей тормозом мирового развития.

Многополярность носит цивилизационный характер, поскольку новые центры, будь то Китай, Россия, Индия, ЮАР, Турция, Иран и другие, носят отличный от западной цивилизации культурно-цивилизационный характер (что, например, выражается в методах консенсусного функционирования АСЕАН, противостоящих жестким методам – принуждения и контроля – обеспечения западного доминирования). Таким образом, эмансипация мира от западного доминирования сопровождается тем, что важнейшим фактором международных отношений и мирового развития становится реальность культурно-цивилизационного многообразия мира с его ценностными системами и моделями развития, которое подавлялось

Западом на протяжении веков методами колониальной экспансии и неоколониализма.

Одновременно можно говорить о кризисе политики сдерживания развития других ведущих государств мира и региональных держав, в том числе военно-политическими методами и посредством санкционного давления в русле пресловутой «ловушки Фукидида». В частности, речь идёт о двойном сдерживании США/Западом – России и Китая – посредством создания Украинского кризиса и проблемы Тайваня.

Применительно к России нынешний цикл ее сдерживания Западом восходит к Первой мировой войне, одним из главных мотивов развязывания которой Германией было предотвратить превращение России в преобладающую экономическую державу Европы (темпы экономического роста в России в канун войны составляли порядка 10% и были сопоставимы с «мирным подъемом» Китая). Это также можно определить как кризис политики «перестраховки» (hedging), имеющей ярко выраженный охранительный характер по отношению к системе западного доминирования.

Объектом политики сдерживания также являются такие страны, как Турция, Пакистан и ряд других. Специфическая форма западной политики сдерживания – контроль (посредством ТНК, несправедливых условий торговли, расчетов в долларах и прочих методов) над природными и иными ресурсами, включая полезные ископаемые, постколониальных стран, для которых они являются важнейшим источником развития.

События последних лет, в том числе проведение СВО на Украине, свидетельствуют о том, что в отсутствие согласия между ведущими глобальными державами, имеющими противостоящие друг другу видения грядущего мира и миропорядка, вновь возросло значение фактора военной силы. Причём не только в поддержку дипломатии и своего внешнеполитического нарратива, но и в порядке обеспечения национальной безопасности и самого выживания государства. СВО на Украине показывает, что к применению силы побуждает отказ выполнять обязательства по подписанным международным

соглашениям, таким как Минск-2. То есть нарушается международно-правовой принцип *pacta sunt servanda* и при подписании соглашений отсутствует то, что принято называть *good faith*. По сути, приостанавливается функционирование сложившегося в послевоенный период международного правопорядка.

Росту значения фактора силы в международных отношениях способствовало последовательное разрушение США и Западом в целом сложившегося в годы холодной войны контроля над вооружениями и комплекса мер по укреплению доверия в военной области. Так, США вышли из Договоров по ПРО, РСМД и по открытому небу, а страны НАТО похоронили ДОВСЕ, отказавшись ратифицировать соглашение о его адаптации к новой реальности, возникшей после окончания холодной войны, роспуска ОВД и распада СССР, а также начавшегося расширения Альянса в направлении западной границы России.

Силовое противостояние государств приобретает характер гибридной войны, включая «войну через подставных лиц» (*by proxy*), санкционное давление, кибероперации и информационное противоборство, что ярко заявило о себе в связи с украинским вопросом. Внешне гибридная война служит заменой «большой войны», скажем, в той же Европе, но, как показывают события на Украине, она все равно балансирует на грани прямого вооруженного конфликта между Россией и НАТО с перспективой ядерной эскалации.

Причём даже конфликт между Россией и НАТО в принципе имел бы характер «войны по доверенности», имея в виду то обстоятельство, что война в Европе не затронула бы территорию США, а ТЯО изначально предназначалось для применения именно в Европе в целях избежания ядерной войны между США и СССР/Россией – третьей мировой. То есть европейские союзники США выступили бы в роли современной Украины даже при участии американских экспедиционных сил и обеспечении американцами Альянсу стратегической глубины.

Очевиден рост значения национальных государств как ключевых международных акторов. Это наглядно проявилось в ходе мер

по борьбе с пандемией коронавируса в 2020–2021 гг. Возрастает значение природных ресурсов, которые не только исчерпаемы, но и служат главным источником развития постколониальных государств. Очевидно, что время дешевых ресурсов прошло. Это в том числе нравственно, поскольку уровень их потребления западными странами грозит планетарной катастрофой и попросту недостижим для остальных 8 млрд человек, проживающих в незападных странах.

Нет сомнений в том, что готовность Запада к произвольному (в обход СБ ООН) применению военной силы, будь то в Афганистане, Ираке, Ливии или Сирии, снижает стимулы для выполнения государствами своих обязательств по режимам нераспространения ОМУ. Причина все та же – подрыв Западом послевоенного международного правопорядка, основанного на общих для всех государств принципах и нормах, будь то одностороннее реагирование, включая интервенции, в том числе «гуманитарные», освобождение от договорно закреплённых ограничений эпохи биполярности или претензия на монополию на некий «порядок, основанный на правилах», которые нигде не прописаны, но призваны подменить универсальные послевоенные, закреплённые в соответствующих коллективно принятых международных инструментах.

Кризис либерализма и самой либеральной идеи, прежде всего в самих западных странах, включая США. Натиск западных элит на традиционные консервативные ценности, включая семейные и элементарный здравый смысл, сопровождаемый зажимом свободы слова и инакомыслия под предлогом политкорректности, ведёт к тому, что трудно назвать иначе, чем либеральным тоталитаризмом. Именно свойственное либерализму агрессивное унификаторство в своё время породило фашизм и нацизм. На кризис либерализма указывает и стремление западных элит навязать его всему остальному миру в рамках своего рода ультралиберальной Мировой революции, в том числе как средство уломать сторонников традиционных ценностей в своих странах, показать им безальтернативность такого будущего.

Вновь становится актуальной тема биополитики, то есть отношения элит к населению как биомассе. Ее законченным проявлением в западной цивилизации стал нацизм. Сейчас возрождаются мальтузианство и евгеника, на которые накладываются однополые браки и трансгендерство, при этом излишним оказалось не только население стран третьего мира, но и самих западных стран. На этом фоне не может не настораживать рост влияния, в том числе как ведущего генератора прибыли, «Большого фармацевтического бизнеса» (Big Pharma), особенно американского, использующего здоровье человека как ресурс экономического роста, но в то же время участвующего в разработке биологического оружия.

На первый план практически для всех государств, включая западные, выходят вопросы идентичности, истории и веры. Это реакция на противоречивые следствия глобализации и разрушение того, что ещё осталось от традиционного общества, разрушавшегося со времён Французской и последующих европейских революций, а в России – Революции 1917 года. Наиболее далеко этот процесс зашёл в Америке с ее «культурной революцией», «культурой отмены», «критической расовой теорией» и прочими продуктами либеральных элит. Поэтому логично, что эта тема заявляет о себе и в международных отношениях, в том числе как диверсия против государств-конкурентов.

Кризис глобального валютно-финансового порядка (Бреттон-Вудской системы) заметно обострился вследствие санкционного давления на Россию в связи с СВО на Украине. В итоге подрывается ее универсальность, а значит, и легитимность. В практическую плоскость переходит вопрос о выходе из неё на путях клиринга и бартера, а также растущего использования национальных валют в международных расчетах. Открывается перспектива сжатия сферы применения доллара и евро до валютных зон с освобождением пространства для других валют, подкреплённых соответствующими ресурсами и финансовыми инструментами.

Сжимается пространство для дипломатии в отношениях Запада с Россией и Китаем, которые им сдерживаются. Параллельно оно

расширяется там, где открывается простор для исторического творчества, то есть за пределами Евро-Атлантики, включая Евразию, где на основе ШОС может сложиться система инклюзивной, неделимой безопасности и сотрудничества, оказавшаяся недостижимой в Европе. Но и там рано или поздно дипломатия вступит в свои права. Видимо, не раньше, чем исчерпает себя противостояние двух теорий классической геополитики, представленных идеями Хартленда и Римленда. Первый представлен расширяющейся ШОС, второй – дугой сдерживания с юга и моря (offshore balancing) от Атлантики до Тихого океана с воссозданием военных союзов с опорой на пресловутую Англосферу.

II КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ: ИСТОКИ И ВАРИАНТЫ

С выходом из холодной войны и прежних внутриевропейских раскладов, с отказом от прежней идеологии и иллюзий в отношении доброй воли Запада, с восстановлением связи времён, исторической преемственности в своем развитии Россия утверждает себя как один из культурно-цивилизационных центров современного мира. Именно такая Россия – осмыслившая все богатство своего исторического опыта, включая позитивные элементы европейского наследия, – будет в состоянии внести свой уникальный вклад в мировое развитие и глобальную политику в нынешнюю эпоху революционных перемен. Ключевой характеристикой последней, на мой взгляд, наряду с закатом доминирования Запада в глобальной политике, экономике и финансах служит своего рода эндшпиль в многовековом противостоянии между Западом и Россией, изобиловавшим, это надо признать, конвергенционными моментами. Создание на Западе социально-ориентированной экономики обеспечило устойчивость развития западного общества в послевоенный период, которую подорвал переход западных элит к неолиберальной экономической политике в сочетании с новым вариантом глобализации.

Все поведение Запада в отношении России, как убедительно показывает Украинский кризис, довольно иррационально в своей авантюристичности, грозящей балансированием на грани ядерной катастрофы. В России западные элиты видели и продолжают видеть чуть ли не экзистенциальную угрозу – или они, или мы.

Но то, что Россия перед лицом враждебной политики Запада разворачивается на Восток, отнюдь не означает, что мы прекращаем борьбу за будущее всего европейского региона как части Европейского континента. Пока же решается насущная задача надежного обеспечения нашей безопасности на западном направлении. Не будем забывать, что мы подхватили эстафету идеалов европейского Просвещения, когда Западная Европа встала на путь колониальных

захватов и империализма, пытались, хотя и безуспешно, предотвратить «большую войну» в Европе на созванных по инициативе Санкт-Петербурга Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 годов, а в послевоенный период предложили мирное сосуществование двух политических и идеологических систем.

Западная Европа, Европа ЕС рано или поздно обновится, что вряд ли возможно вне сотрудничества с Россией, и найдет свое место в новой мировой конструкции. Это потребует смены нынешнего поколения западных элит. Но пока нам предстоит не менее сложный путь креативной двусторонней и многосторонней дипломатии по консолидации незападного мира, составляющего Мировое большинство, содействия его освобождению от неокOLONиальной зависимости, причем в порядке исторической преемственности по отношению к роли Русской революции 1917 года в пробуждении Азии и решающему вкладу СССР в процесс деколонизации в 50-60-х гг. прошлого века.

Одновременно нам не уйти от задачи управления отношениями с Западом, где тон задаёт Вашингтон. Для успеха нам надо отказаться от инерции западнoцентризма, заданной не только поздним советским руководством, но и всем развитием России на протяжении последних трёх столетий. Сейчас, когда Запад сжимается до состояния еще одного региона мира, то есть он регионализируется, обнаруживая неспособность придать санкционному давлению на Россию подлинно глобальный охват (отстраненная или откровенно негативная реакция незападных стран на соответствующие призывы западных столиц по праву воспринимается как внешнеполитическая катастрофа Запада), нам особенно необходим свой, независимый взгляд на происходящее в западном обществе. Оно переживает свой очередной комплексный кризис, сопоставимый с тем, который привёл к двум мировым войнам и Великой депрессии 30-х годов. Как и любой кризис, он сопряжен с угрозами и возможностями. К угрозам можно отнести перспективу ядерной войны, которая нарастает (вспомним, что предыдущий кризис западного общества сопровождался двумя мировыми войнами), к возможностям – освобождение незападного мира (и признаем, включая Россию и Китай) от неокOLONиальной

зависимости, его выход из западной системы координат, что иначе было бы проблематичным.

Инерция европоцентризма вкупе с верой в добрую волю Запада и возможность его добровольной трансформации в соответствии с требованиями времени привела нас к стремлению стать частью Запада на условиях равноправия. Этот курс потерпел поражение и отнюдь не по нашей вине – не было встречного движения Запада, исходившего из своей абсолютной правоты, якобы доказанной «победой в холодной войне». России противостояла мощная инерция западной политики сдерживания всего, что могло создавать хотя бы малейшую угрозу его глобальному доминированию.

Мы имеем дело с элитами, а не с народами, у которых свои и причем немалые проблемы с этими элитами, на что указывает рост протестных настроений («популистских», по терминологии элит) в западных странах: он нашел свое выражение в том числе в выходе Великобритании из ЕС по результатам референдума, проведенного в июне 2016 года, и президентстве Д.Трампа, которое отвечало на запрос более органичного для традиционного американского сознания изоляционизма (который, кстати, находится в полном согласии с тезисом об американской исключительности и противостоит самой логике послевоенного интервенционизма Вашингтона). Британский исследователь Дэвид Гудхарт в своей книге «Дорога куда-то»⁴ так объяснил феномен современного западного популизма: в результате глобализации общество раскололось на большинство, укорененное в своих странах и местах проживания и придерживающееся того, что еще осталось от традиционных ценностей, и космополитичное меньшинство, включая элиты, позиции которого внутри собственных стран оказались под угрозой. Соответственно, сейчас мы наблюдаем контрнаступление западных элит, в котором востребована внешняя угроза. Отсюда радикализация курса Запада на сдерживание России и Китая в форме создания Украинского кризиса и обострения проблемы Тайваня.

⁴ David Goodhart, *The Road to Somewhere*, London, Penguin Books, 2017.

Западные элиты, выпестованные под американской опекой в условиях «однополярного момента» и внеисторичные в своем миропонимании и мироощущении, даже не имеют адекватного представления о холодной войне, довольствуясь тезисом о «победе» в ней Запада и «поражении» СССР, которое почему-то должна признать Россия, а значит, подчиниться «американскому лидерству». Другими словами, Россия видится вызовом глобальной гегемонии Запада, которая стала для западных элит не чем иным, как способом существования за счет всего остального мира, что и определяет ставки в их противостоянии с Россией.

Именно критике состояния западных элит и, надо полагать, далеко не случайно посвящена последняя книга Г. Киссинджера «Лидерство. Шесть исследований в области мировой стратегии»⁵, где в качестве образцов для подражания взяты Конрад Аденауэр, Шарль де Голль, Ричард Никсон, Анвар Садат, Ли Куан Ю и Маргарет Тэтчер. Выбор кандидатур понятен – никто из них радикально не оспаривал американского лидерства, будь то Аденауэр со своей «стратегией смирения», де Голль – «стратегией воли» (хотя в отношении де Голля это спорно) или Тэтчер – «стратегией убеждений». Никсон (вместе с автором) «восстал против внешнеполитической догмы» и добился стратегического преимущества над СССР своей «стратегией равновесия», установив дипотношения с Пекином. Правда, почему-то последняя не должна относиться к нынешнему положению дел, когда США продавливают свое стратегическое преимущество по отношению к России в Европе. Скорее наоборот, логика тогдашней китайской политики Вашингтона (которой гордится Киссинджер) как минимум требует хороших отношений со всеми сторонами геополитического «треугольника» США–Россия–Китай, а не конфронтации одновременно с Москвой и Пекином.

Важно другое – и это прямо противостоит современным трендам в западном обществе и в области формирования их элит. Киссинджер отмечает, что всех указанных лидеров отличала глубокая грамотность, под которой он понимает прежде всего классическое гуманитарное

⁵ Henry Kissinger, *Leadership. Six Studies in World Strategy*, London, Allen Lane, Penguin Books, UK, 2022.

образование с обязательным знанием истории и философии, вообще привычку к чтению, в том числе художественной литературы, которая развивает воображение и показывает, как устроен мир. У всех было религиозное воспитание, которое позволяло формировать долгосрочный взгляд на вещи. Все были патриотами с «глубоко укорененным чувством национальной идентичности», вовсе не «гражданами мира с космополитичной идентичностью». Для них была важна сила характера, что позволяло идти против ортодоксальных представлений, противостоять групповым корыстным интересам и в то же время действовать с должной сдержанностью, проводить умеренную политику с «разумной озабоченностью отдаленными последствиями» своих решений. Их опыт государственного управления (statecraft) говорит в пользу сочетания «интуиции и вдохновения», но также воли и потребности в одиночестве, необходимом для размышления. Что мало совместимо с современной визуальной культурой. Все были сравнительно скромного происхождения и исповедовали «национализм среднего класса» (не он ли вывел Лондон из ЕС и привел к власти Трампа? Но автор, как всегда, не склонен раскачивать лодку и предпочитает в критике заходить издалека). Все эти свойства лежат в основе их творческого подхода к политике и преобразовательного характера их стратегий. Как представляется, идеи Киссинджера о глубокой грамотности говорят в пользу реформирования российской системы образования с учетом собственного опыта XIX в. (классическая гимназия) и советского периода.

Все шесть указанных лидеров столкнулись с явлением «эволюционного загнивания» в своих странах – условия, которые и выдвинули их на авансцену политики. В своей более ранней работе «Мировой порядок»⁶ Киссинджер критиковал западные элиты за то, что они полагались на «автоматизм» расширения сферы западного доминирования в отсутствие в мире альтернатив – как следствие окончания холодной войны и распада Советского Союза⁷. Он допускал, что внешнеполитические провалы Америки в этот период «критики, возможно, припишут недостаткам, нравственным и интеллектуальным,

⁶ World Order, London, Allen Lane, Penguin Books, 2014.

⁷ World Order, pp.364-365.

американских лидеров», которые не смогли «разрешить двусмысленную взаимосвязь между силой и дипломатией»⁸. Тогда же он писал о «многополярности мощи» и необходимости создания инклюзивного мира. На этот раз он предсказывает, что «либеральный и основанный на универсальных правилах порядок на практике уступит место на неопределенный период времени, по крайней мере, частично разделенному миру»⁹. Примечательно, что он негативно высказывается об «идеологизация внешней политики», считает необходимым постоянные дискуссии между потенциальными противниками, дабы «способствовать культивированию навыков взаимного стратегического самоконтроля», в том числе применительно к последствиям новых технологий¹⁰.

Интерес представляет его суждение о нынешнем конфликте вокруг Украины: в результате событий после окончания холодной войны вся территория от установленной линии безопасности до национальной границы России «оказалась открытой для новой стратегической конфигурации». Стабильность зависела от того, «смогут ли возникающие решения успокоить исторические страхи европейцев перед российским доминированием и учесть традиционные российские озабоченности по части наступления с Запада». Все, что пошло не так на Украине, он относит на счет «провала стратегического диалога»¹¹. Киссинджер – мастер дипломатических формулировок, но даже из них видно, что он не может не признать наличие реальной проблемы безопасности в регионе, причем имеющей глубокие исторические корни, которая так и не нашла своего решения в последние 30 лет в рамках ее натоцентричной архитектуры. Он не склонен назначать виновных, что уже немало.

Особого внимания заслуживает поднятая Киссинджером тема идентичности во внешних делах. Сейчас очевидно, что внешняя политика – это прежде всего политика идентичности, которая и лежит в основе понимания национальных интересов. Россия в данном

⁸ Ibid., p.279.

⁹ Leadership, p.413.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., p.412.

отношении не исключение из правила, тем более перед лицом стремления Запада разрушить само основание нашей идентичности. Бывшая Госсекретарь М. Олбрайт, оставшись не у дел при Дж.Буше-мл., писала, что «все мы должны относиться к трансцендентным вопросам истории, идентичности и веры в равной мере глубоко»¹².

Бывший высокопоставленный сотрудник британского Форин-офиса и внешнеполитического аппарата ЕС Роберт Купер приводит такой пример. Во время встречи в Нассау в декабре 1962 года между Дж. Кеннеди и британским премьером Г. Макмилланом возник вопрос о том, нужны ли Лондону независимые ядерные силы (тогда они требовали обновления с помощью американцев). Отстаивая свою позицию, британец (со слов Макджорджа Банди) аргументировал тем, что «отказаться от ядерных сил означало бы, что Великобритания не является страной, которая прошла через всю свою прежнюю историю», включая «сопротивление нацистской Германии в 1940 году». Он угрожал своей отставкой и чуть ли не уходом Лондона в некий полунейтральный статус. Отсюда вывод: вопрос был не о противостоянии СССР, не о том, как быть с ФРГ в НАТО и не о ядерном оружии вообще, а о «восприятии себя Великобританией»¹³.

Просвещением американских элит занимался и Зб. Бжезинский, особенно на фоне провального президентства Дж. Буша-мл. В своей статье «Дилемма последнего суверена» (журнал *The American Interest* за осень 2005 года) он прямо писал, что США не смогут в одиночку решить ни одной из значимых мировых проблем, если не «посвятят свой суверенитет делу большему, чем их собственная безопасность», для чего требуется «готовность заниматься решением общих проблем (с партнерами) и стремиться к общему пониманию нашей исторической эпохи». Сам Бжезинский в качестве ключевой характеристики современной эпохи назвал «глобальное политическое пробуждение», то есть процессы за пределами исторического Запада.

¹² Madeleine Albright, *The Mighty & the Almighty*, Harper Perennial, New York, 2007, p.281.

¹³ Robert Cooper, *The Breaking of Nations*, Atlantic Books, London, 2003, p. 127-128.

Оба американских политолога – и это знаменательно – обращаются за аргументами к автору «Заката Западного мира», который западным официозом предан неформальной анафеме. Киссинджер осторожен и цитирует лишь его мнение о том, что «прирожденный государственный деятель – в первую очередь знаток, знаток людей, ситуаций, вещей... (и обладает способностью) делать то, что должно, того не «зная»¹⁴. Добавлю, что Шпенглер дает характеристику политика западной культуры: «Прирожденный государственный деятель находится по другую сторону истины и лжи... Великие папы и английские партийные вожди, поскольку им нужно было владеть ситуацией, следовали тем же принципам, что и завоеватели, и бунтовщики всех времён. Выведите основные правила из действий Иннокентия III, едва не приведшего церковь к мировому господству, и вы получите катехизис успеха, представляющий собой крайнюю противоположность всякой религиозной морали, без которой, однако, не было бы никакой церкви, никаких английских колоний, никакого американского капитала, никакой победоносной революции...»¹⁵. Бжезинский в указанной статье позволяет себе апеллировать сразу к Шпенглеру, А. Тойнби и С. Хантингтону, заключения которых «зловеще имеют отношение к современным глобальным дилеммам Америки». У Тойнби – это «суицидальное госуправление», когда милитаризм был наиболее общей причиной краха цивилизаций; у Хантингтона – в результате глобализации «американская гегемония отступает, за ней следует эрозия западной культуры, в то время как местные, укорененные в истории нравы, языки, верования и институты заново утверждаются».

Что до Шпенглера, то важен его вывод о будущем Запада «как кульминации процесса политического загнивания» с превращением в «чрезмерно амбициозную и во все большей мере цезаристскую цивилизацию» (это еще называется «имперским перенапряжением сил»). У самого Шпенглера мы находим такой прогноз на период после XX века: «Все более примитивный характер политических форм.

¹⁴ О. Шпенглер, *Закат Западного мира*, М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017, стр. 904-905.

¹⁵ там же.

Внутренний распад наций в бесформенное население. Медленное проникновение первобытных состояний в высокоцивилизованный образ жизни» и многое другое, что соответствует в римской истории (столь милой сердцу американской элиты) первому веку до нашей эры по второй н.э.¹⁶

Категорией «политическое загнивание» оперирует и не менее авторитетный (это не значит, что элиты к нему прислушиваются) Ф. Фукуяма. В своем исследовании «Политический порядок и политическое загнивание»¹⁷ он предупреждает об общности законов загнивания для всех политических порядков и систем, особенно институтов, более того, «демократия сама может служить источником загнивания»¹⁸. Применительно к Америке он доказывает, что «та поражена проблемой политического загнивания в более острой форме, чем другие демократические политические системы»¹⁹. Но главное, «нет автоматических исторических механизмов, которые делали бы прогресс неизбежным или предотвращали загнивание и откат назад»²⁰. Впоследствии на страницах журнала *Foreign Affairs* он конкретизировал свой диагноз, указывая на то, что «в силу интеллектуальной косности и мощи закрепившихся в системе корыстных интересов вряд ли удастся провести институциональную реформу без серьезных потрясений для политического порядка». В последнее время к ним добавились такие факторы, как «исчезновение общей фактологической основы для демократических обсуждений» и превращение политических различий в разногласия по поводу «культурной идентичности».

Феномен Трампа еще до его победы на выборах 2016 года Фукуяма воспринял как выбор между «политическим загниванием и обновлением» (его статья на эту тему в журнале *Foreign Affairs* за июль–август 2016 года). Он сосредоточивает свой анализ на пострадавшем от глобализации белом рабочем классе Америки, требующем

¹⁶ Закат Западного мира, стр.74.

¹⁷ Francis Fukuyama, *Political Order and Political Decay*, Profile Books, London, 2014.

¹⁸ p. 462.

¹⁹ p. 487.

²⁰ p. 548.

«экономического национализма» и теперь голосующем за республиканцев, в то время как демократы приняли рейганомнику. Трамп как минимум с ней порвал. Трампа и Б.Сандерса он рассматривал как «большую возможность» починить переживающую дисфункцию политическую систему. Мы знаем, что реально произошло тогда на выборах и в последующие годы: на пути перемен встали «глубинное государство» и то, что Фукуяма называет «ветократией». Более того, элитам особенно после ковида, понравилось действовать в условиях чрезвычайных ситуаций, и Украинский кризис создает для них такую, позволяя контролировать «условия дебатов» в своих странах.

Проблемы Америки, как это ни странно, может помочь решить Украинский кризис – детище демократов (президентство Б.Обамы) и теперь перешедший в острую форму при новой демократической администрации. Европа больше США страдает от санкционного бумеранга и, похоже, становится источником реиндустриализации Америки, чему способствует и принятый летом 2022 года Закон о снижении инфляции. Таким образом, США, выступая в амплу классической державы статус-кво, цепляющейся за свою гегемонию/империю, пока выигрывают от любых потрясений, даже если они происходят у союзников. Искусственно созданный кризис не только дисциплинирует союзников, но усиливает присущий американцам и верно подмеченный еще де Токвилем конформизм, которому не чужд оказался и Фукуяма. На общей волне русофобии он заявил о возможности укоренения либерализма в каждой отдельно взятой стране, то есть о своего рода национал-либерализме, который заставляет вспомнить о национал-социализме в Третьем рейхе, и прочими продуктами ультралиберализма Демпартии дорисовывает картину. Уже не приходится удивляться тому, что заодно отменяют русскую культуру и русский язык.

Остается важный вопрос, были ли другие варианты внешне-политической стратегии у США после окончания холодной войны, возможна ли была «нормализация» Америки без потрясений и что может служить точкой отсчета нынешнего кризиса в отношениях Запада с Россией.

На него отвечают сами американцы. Наиболее цитируемое мнение принадлежит архитектору политики сдерживания Дж.Кеннану о том, что решение о расширении НАТО стало наиболее роковой ошибкой в период после окончания холодной войны. Сейчас всем понятно почему. Ведущий политобозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман писал, основываясь на опыте последовавших событий: «Мы сделали первый выстрел, когда расширили НАТО к российской границе, несмотря на, то что Советский Союз исчез. Послание Москве было ясным: вы всегда наш враг, какая система у вас ни была бы» (25 июня 2015 г.). Киссинджер сам теоретически обосновал стратегический смысл расширения НАТО в том же 1994 году в своей «Дипломатии»²¹, причем опять апеллируя к истории, которую он хорошо знает, но применяет выборочно. Речь шла о том, чтобы «перестраховаться» на случай, если Россия свернет с пути либерализма. Он отмел аргумент президента Б.Клинтона (на саммите альянса в январе 1994 года) о том, что такое решение «проведет новую линию между Востоком и Западом, что могло бы стать самосбывающимся пророчеством о будущей конфронтации»²².

Как бы то ни было, решение о расширении было принято, а в Госдепартаменте российскому послу Ю.Воронцову было заявлено, что не планируется приглашать в альянс Россию. Процесс отчуждения между Западом и Россией был запущен и его логика стала определять западную политику сдерживания России «про запас». На разных этапах раздавались голоса, в том числе аналитиков, прошедших через Штаб внешнеполитического планирования Госдепартамента (в этой должности побывал и Фукуяма), в пользу более умеренной политики в отношении Москвы, необходимости учета ее интересов безопасности даже в условиях навязанной нам и Европе натоцентричной системы региональной безопасности – именно поэтому застопорилась институционализация ОБСЕ, которая до сих пор не имеет своего Устава. Бжезинский в начале 2014 года предлагал вариант «финляндизация» Украины, то есть ее военно-политической нейтрализации, дабы избежать разрыва отношений с Россией. Ранее

²¹ Henry Kissinger, *Diplomacy*, Simon & Schuster, New York, 1994.

²² *Ibid.*, p. 824.

в своей книге «Стратегическое видение»²³ он предупреждал об ограниченности у Запада ресурса доминирования и предлагал взять курс на создание «большого и более жизнеспособного Запада» за счет интеграции в него России и Турции – двух евразийских государств, включая в перспективе прием России в НАТО²⁴. Он считал, что установлению «исторически обязывающих отношений» между Западом и Россией способствовала бы «Украина, не враждебная России». В числе упущенных возможностей, на его взгляд, мог бы быть «совместный договор НАТО-Россия по мере расширения альянса».

Добавлю, что предложенная нами в июне 2008 года идея заключения Договора о европейской безопасности (текст был передан в ноябре 2009 года), который закрепил бы принцип неделимости безопасности в Евро-Атлантике, была Западом начисто проигнорирована, хотя предложенные в нем формулировки обязательств сторон были достаточно гибкими (в духе Пакта Бриана-Келлога 1928 года) и не требовали роспуска НАТО. Как были отвергнуты и проекты документов, представленные нами США и НАТО 15 декабря 2021 года, дабы урегулировать проблему угрозы нашей безопасности на договорной основе, политико-дипломатическими средствами.

Стратег Бжезинский не мог не понимать, что именно внутреннее состояние Америки, ее общества составляет основу ее международного влияния, ее конечный внешнеполитический ресурс. Саморазрушительное президентство Дж. Буша-мл. с его «войной с террором» и возобновлением дефицитов федерального бюджета (по подсчетам Дж. Стиглица, одна война в Ираке обошлась стране в 3-5 трлн долл.), фанатизмом окружавших его неоконгов заставило многих задуматься о будущем США. Майкл Мандельбаум попросту писал, что США провалили свою миссию в мире после окончания холодной войны²⁵. Бжезинский идет дальше: он проводит сравнение с судьбой Советского Союза, находя «несколько элементов вызывающего тревогу сходства», прежде всего расходы на оборону

²³ Zbigniew Brzezinski, *Strategic Vision*, Basic Books, New York, 2012.

²⁴ p. 121-182.

²⁵ Michael Mandelbaum, *Mission Failure. America and the World in the Post-Cold War Era*, Oxford University Press, 2016.

и дисфункция политической системы, и не исключал «исторического упадка, напоминающего унижительное бессилие Китая XIX века»²⁶.

Вопрос об обновлении страны встал во весь рост, казалось бы, на пике могущества США. Не удивительно, что после Дж. Буша-мл. стали появляться и идеи пересмотра базовых принципов национальной безопасности, которые оставались неизменными с начального периода холодной войны (Закон о национальной безопасности 1947 года и директива СНБ-68 1950 года). Яркой попыткой запустить такой интеллектуальный проект стала публикация в 2011 году двумя военными аналитиками под псевдонимом “Y” «Нарратива национальной безопасности»²⁷. Его содержание суммировала тогда только что ушедшая с поста директора Штаба внешнеполитического планирования Госдепартамента (это аналитическое подразделение основал Дж. Кеннан) А.-М. Слотер. Речь о переосмыслении национальных интересов, сопоставимом с «Длинной телеграммой» самого Кеннана 1946 года. А именно: переход США «от контроля в закрытой системе к вызывающему доверие влиянию в открытой системе», «от сдерживания других стран к обеспечению устойчивости собственного развития», «от сдерживания посредством устрашения и обороны к гражданскому сотрудничеству и конкуренции», «от глобальной политики и экономики нулевой суммы к сумме положительной», «от национальной безопасности к национальному процветанию и безопасности». Такой поворот суммируют приводимые ею слова тогдашних министра обороны Р.Гейтса и председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) адмирала М. Маллена о необходимости «демилитаризации внешней политики» и о том, что бюджетный дефицит составляет наибольшую угрозу национальной безопасности.

Историю дрейфа Запада в вопросе расширения НАТО, как оно случилось, причем вопреки устным заверениям западных лидеров, данных позднему советскому и российскому руководству, детально и на основе ранее не публиковавшихся документов изложила американская исследовательница М.Э. Саротт в книге «Ни на один

²⁶ Strategic Vision, p. 4-5.

²⁷ A National Security Narrative by: Mr.Y на сайте www.wilsoncenter.org.

дьюм»²⁸, которая, выйдя как нельзя кстати в конце 2021 года, стала бестселлером и получила множество призов, в том числе была признана лучшей книгой 2021 года журналом *Foreign Affairs*. Автор заключает, что при всех возможных вариантах выстраивания Западом позитивных отношений сотрудничества с Москвой после окончания холодной войны «в конечном счете оказалось необоримым искушение продолжать (расширение) без адекватного рассмотрения его последствий»²⁹. Она приводит цитату из статьи 1993 года в «Нью-Йорк Таймс» Стивена Сестановича (затем стал ключевой фигурой в Госдепартаменте на российском направлении): при всех сомнениях относительно множества альтернатив (расширению НАТО) «эти сомнения – ничто по сравнению с тем разочарованием и беспомощностью, которые мы будем испытывать, если российская демократия потерпит поражение»³⁰. Саротт указывает также на то, что поспешный демонтаж Партнёрства ради мира (ПРМ), в котором участвовала и Россия, в пользу начала расширения альянса в 1997 году не предотвратил «отката» Венгрии, Польши и ряда других восточноевропейских стран, которые «выхлостили многие из своих сравнительно новых демократических законов и норм»³¹. Она напоминает, что вопрос расширения рассматривался на сенатских слушаниях 30 октября 1997 года с участием Дж. Байдена: на мнение бывшего посла в Москве Дж. Мэтлока о том, что отказ от Партнёрства ради мира может «подорвать усилия по сдерживанию угрозы, которую представляет российский ядерный арсенал», Байден тогда согласился, что продолжение ПРМ «было бы лучшим вариантом»³².

М. Мандельбаум пишет, что решение о расширении НАТО будет «в исторической перспективе наиболее чреватых последствиями для внешней политики США»³³. С ним соглашается и глава авторитетного нью-йоркского Совета по международным отношениям

²⁸ M. E. Sarotte, *Not One Inch. America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*, Yale University Press, 2021.

²⁹ *Ibid.*, p. 349.

³⁰ p. 348.

³¹ p. 349.

³² p. 345-346.

³³ *Mission Failure*, p. 381.

Ричард Хаас, который считает, что «вполне определенно расширение НАТО способствовало отчуждению России». Сам он, будучи главой Штаба внешнеполитического планирования Госдепартамента при К.Пауэлле в 2001–2003 гг., не раз предлагал не сворачивать ПРМ и даже рассмотреть вопрос о приеме России в НАТО «в качестве средства ее интеграции в статус-кво», но все эти идеи не получили поддержки³⁴.

Закономерно задаться вопросом, а были ли иные, кроме инерционных, варианты внутреннего развития и международного позиционирования США в связи с кардинально изменившимися внешними условиями на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Оказывается, что были. Эту тему поднимает Питер Бейнарт в своей книге «Синдром Икара»³⁵, опубликованной под эгидой все того же нью-йоркского Совета по международным отношениям. Он цитирует таких видных мыслителей консервативного спектра, как Ирвинг Кристол и Джин Киркпатрик: для Америки пришло время «стать нормальной страной в нормальное время», надо распустить НАТО, вывести войска из Европы, сократить оборонный бюджет и готовиться к жизни в многополярном мире. Словом, «раз выживанию США уже ничто не угрожает, надо уйти с баррикад». Они исходили из нереалистичности того, что Америка может поддерживать баланс сил в глобальной политике. Для этого не было ни ресурсов (страна жила в долг), ни одобрения американского народа. Им, однако, противостояли те, кто считал, что «нормального времени» не бывает³⁶. В 1993 году И. Кристол писал и о том, что когда закончилась холодная война, началось настоящее противостояние внутри самих США, к которому они оказались «гораздо менее подготовлены..., гораздо более уязвимы»³⁷. Признаки поляризации в американском обществе начали проявляться уже тогда. Уместно и такое мнение С. Сестановича о причинах краха СССР: в их ряду он назвал подписание Хельсинкского заключительного акта и то, что позднее советское руководство

³⁴ Richard Haass, *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*, Penguin Books, New York, 2017, p. 96.

³⁵ Peter Beinart, *The Icarus Syndrome. A History of American Hubris*, Harper, 2010.

³⁶ *Ibid.*, 296-298.

³⁷ Цит. по журнал «Россия в глобальной политике», июль-август 2022 г., стр. 176.

«испытывало иллюзии в отношениях со своими (западными) визави»³⁸.

Свою лепту в осмысление международного позиционирования США в новых исторических условиях внёс и создатель политологического центра «Юрейже Груп» Иэн Бреммер. В своей книге «Сверхдержава»³⁹ накануне выборов 2016 года он аргументированно выступал за то, чтобы Америка «вела силой своего примера», не пытаясь за других решать их собственные дела – вариант «независимой Америки» (напомню, что Найджел Фарадж, агитировавший за выход Великобритании из ЕС, возглавлял Партию независимости Соединенного Королевства). Бреммер также утверждал, что «Россия слишком большая, чтобы ее можно было изолировать... Почему Вашингтон влез в нарастающий конфликт с Россией из-за Украины, страны, которая для Москвы всегда будет значить намного больше, чем для нас?»⁴⁰.

В августе 2021 года в журнале National Interest появилась статья Уэсса Митчелла «Стратегия избежания войны на два фронта». Автор ушел с поста зам. Госсекретаря по делам Европы и Евразии осенью 2019 года, а через год подготовил для Пентагона доклад, на основе которого и написал данную статью. Ее трудно расценить иначе, как смесь планов Шлиффена и Барбаросса – по навязыванию России силовой конфронтации на Украине с целью вывести ее из игры до того, как надо будет противостоять Китаю. Для войны на два фронта у США не хватает ресурсов. Поэтому надо срочно «остановить экспансию России в западном направлении» и развернуть ее в восточном, заодно предполагаемое военное поражение на Украине дестабилизирует Россию и приведет к «смене режима». Историческое обоснование, как всегда, выборочное – Русско-японская война с последовавшей Революцией 1905 года. Таким образом, проливается свет на реальную стратегию США, на вызов которой мы не могли не ответить. Причем это заговор не только против России, но и Европы, как показало дальнейшее развитие событий.

³⁸ там же, стр. 174.

³⁹ Ian Bremmer, Superpower, Portfolio Penguin, 2015.

⁴⁰ Ibid., p. 200.

Одновременно можно судить о смене поколений в рядах американского сообщества, которое занимается стратегированием: на смену тем, кто знал войну и прошел через опыт войн в Корее и во Вьетнаме, пришло непуганое поколение, своего рода младотурки от политологии, которые стремятся заявить о себе, рискуя новым Карибским кризисом и балансированием на грани ядерной войны. Тут уместно сослаться на британца Лоренса Фридмана, который в своем фундаментальном труде «Стратегия»⁴¹ пишет об относительности любых стратегий, обращаясь при этом к высказыванию американского боксера Майка Тайсона: «У всех есть план, пока их не отправляют в нокаут». В категорию последнего, видимо, и попадает готовность России к затяжному конфликту на Украине, что легко было предвидеть и что означает полное фиаско указанной американской стратегии, целиком рассчитанной на успех блицкрига. Поневоле ситуация адресует всех, включая самих американцев, к печальному опыту Германии.

Для России в столь экзистенциальном конфликте, навязанном ей Западом, главной целью стало долгосрочное и прочное решение проблемы безопасности на западном направлении, что пока невозможно на договорной основе с Западом в силу полного подрыва доверия к нему после семилетнего опыта Минских соглашений 2015 года, использовавшихся, как признают сами западные лидеры, для реформирования Украины в русле милитаризации и культивирования русофобского агрессивного национализма, что вполне удалось. Скорее, именно ее решение может послужить прологом к последующим договоренностям с Западом, сколько бы времени это ни потребовало. Косвенно в пользу такого анализа говорит стремление США ускорить переговорное разрешение Украинского кризиса на своих условиях, то есть на основе той украинской государственности, которая (как анти-Россия) и превратилась в угрозу нашему существованию.

Политика Запада на Украине при лидирующей роли США изначально брала за образец нацистскую Германию. Соответственно, логично предположить, что и ее крах будет взывать к аналогии

⁴¹ Lawrence Freedman, *Strategy: A History*, Oxford University Press, New York, 2013.

с концом гитлеризма в Германии. Отличие будет состоять в том, что территориально-политическое переустройство Украины в советских границах будет проходить иначе, не путём раздела между великими державами (западные столицы упорно настаивают на том, что не являются участниками конфликта) и оккупации, а посредством волеизъявления жителей тех или иных регионов на основе катастрофы, которую потерпит украинская государственность, прошедшая сходный с Германией после Версаля путь – от несостоявшегося государства и веймаризации до превращения в орудие западной агрессии против России, своего рода «государства-ландскнехта». У нацистской Германии была своя повестка дня в отношении других западных стран. Сейчас, когда Запад един и Германия находится под американской оккупацией, у киевского режима цель одна – использовать свой статус «прифронтового государства» в латентной конфронтации между Западом и Россией в качестве способа национального существования, другими словами, его монетизации.

Вопрос еще в том, что именно привлекло Вашингтон, ультралиберальные элиты Америки в независимой Украине как средстве борьбы с Россией, навязывания нам «последнего и решительного» столкновения в рамках запросного, на дипломатическом языке, курса на продление своей глобальной гегемонии, ухода от давно назревшей, в понимании самих американцев, собственной трансформации. Украину трудно назвать состоявшимся государством, когда при всем своём промышленном потенциале, созданном в советский период, она так и не смогла выйти на уровень ВВП, достигнутый до 1991 года. Разумеется, это прежде всего проблема незрелости элит. Важным является и отсутствие опыта собственной государственности. Но взгляд на то, как формировались административные границы Украины, с которыми она вышла из СССР, дает основания судить о том, что составленная из частей, имевших различную историю, причем на протяжении веков, Украина в такой конфигурации могла существовать только в составе СССР. Поэтому распад СССР стал первой катастрофой получившей независимость страны. Непонимание этого, когда все советское наследие отрицалось кроме границ, украинизация, ставшая тотальной, и рост агрессивного национализма,

на разных этапах культивировавшийся Веной и Берлином в их геополитических стратегиях (включая две германские оккупации – по Брестскому миру и во время Великой Отечественной войны), стремление во что бы то ни стало удержать территорию, не считаясь с волей проживающего на ней коренного населения, привели к нынешнему второму акту этой трагедии. Нации не состоялось, получилось выпестованное Западом репрессивное государство, заряженное на агрессию против России, будь то военную, что не скрывалось в Киеве еще до СВО, или на уровне идентичности и истории, включая подрыв духовно-нравственного основания современной российской государственности, каковым является Великая Победа. Запад заодно решает для себя задачу задним числом реабилитировать нацизм как специфический продукт именно своей цивилизации и снять с себя историческую вину, что относится и к немцам, судя по отношению Берлина к СВО.

История далеко не случайно оказалась полем битвы в нашем конфликте с Западом. Характеристика киевского режима лишь частность в том, что можно назвать битвой исторических нарративов. Это, в свою очередь, говорит о глобальности происходящего. Запад получил второе дыхание с распадом СССР. В условиях, когда процессы распада, окостенения и загнивания там перешли, как мы видим на примере США, вполне предсказуемо в острую фазу, внеисторичные западные элиты не прочь повторить этот трюк истории, приписав его себе как победу. И здесь опять мешает Россия, которая по праву играет эту роль и предлагает альтернативы западному доминированию, раньше Запада вступив на путь своей трансформации. После метаний 80-х и 90-х и «сходив на Запад», мы, наконец, возвращаемся к себе, надо признать, не без помощи Запада, который последовательно отказывался договариваться с нами на согласованных условиях.

Минск-2 давал возможность Киеву начать превращение страны в современное европейское государство, поскольку достигнутые договоренности отвечали всем европейским нормам и стандартам обеспечения прав меньшинств и урегулирования внутренних гражданских конфликтов. Но выбор был сделан иной, причем при поддержке или молчаливом согласии западных столиц. Приведу

мнение давнего критика России британского журналиста Эдварда Лукаса, который накануне, казалось, неминуемого поражения ДНР/ЛНР в своей статье в «Таймс» от 12 августа 2014 года сделал редкое для западных СМИ признание: «Наряду с регулярными ВС (в АТО) сражаются добровольные формирования ополченцев с сомнительными (и иногда вызывающими отвращение) политическими взглядами. Что случится с ними, когда боевые действия прекратятся? Занимающиеся мародерством шайки крутых, уверенных в себе вооруженных людей, ожидающих, что к ним будут относиться как к национальным героям, подорвут хрупкую политическую систему страны... Наибольшую надежду на мир и примирение в Украине дает децентрализация». Затем такие оценки стали табу.

Как Украина, так и Запад, а США в особенности, дают, я бы сказал, классический пример вступления на путь внешней агрессии как средства решения внутренних задач их элитами. Применительно к Украинскому кризису можно говорить и об аналоге Карибского кризиса, развязанного на этот раз американцами у российских границ. Отсюда важность во внешнеполитическом планировании изучения внутреннего состояния наших международных партнеров, перспектив их внутренней трансформации в соответствии с требованиями времени. Торможение реформенных процессов, особенно в ведущих странах мира, всегда чревато созданием угрозы международному миру и безопасности, как это произошло в данном случае. Можно говорить, что России была объявлена война решением США о расширении НАТО уже в далеком 1994 году, когда Америка находилась на перепутье, и ее элиты сделали выбор в пользу инерционной политики как внутри страны, так и вовне.

У истории нет прямых путей – это важнейшее для дипломатии знание. У Черчилль говаривал, что американцы всегда поступят правильно, но сначала перепробуют все остальное. 30 лет – немалый срок, и чего только американцы не перепробовали за это время. Остается надеяться, что своей твёрдой позицией в Украинском вопросе, сопровождаемой отказом от иллюзий в отношении Запада и восстановлением преемственности в своем историческом развитии, Россия поможет Америке принять правильные для нее решения.

От этого выиграет весь мир, стоящий на пороге эмансипации от западной гегемонии и неоколониальной зависимости. Как и любая свобода, это будет требовать от всех правительств ответственных и взвешенных решений, готовности к подлинно коллегиальной работе в деле урегулирования общих для всех проблем, окончательного преодоления наследия холодной войны, ее инстинктов и идеологических предрассудков.

III

КАКАЯ РОССИЯ: ПРЕДСКАЗУЕМАЯ И ОТКРЫТАЯ МИРУ

Только сейчас в полной мере раскрывается значение следующего вывода Освальда Шпенглера в его знаменитом «Закате Западного мира», который превратно переводился как «Закат Европы»: «Лишь слово «Европа» с пребывающей под его влиянием совокупностью идей связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в одно ничем не оправданное единство... Запад и Восток – понятия, наделенные подлинным историческим содержанием»⁴². Отсюда и вполне практические выводы для нашего международного позиционирования. Западноцентризм советского и более отдаленного периода, намерение встроиться в Запад были абсолютной иллюзией и будут оставаться таковой, по крайней мере, до радикальной трансформации самого Запада в русле обретения им совместимости со всем остальным миром, а значит, и с Россией на основе подлинного равноправия и коллегиальности. Можно сказать, что и тут Россия в глазах всего мира стала для Запада, прежде всего США, пробным камнем, отражая ключевую проблему и в то же время задачу глобальной политики и мирового развития. Это также вопрос расширения когнитивной основы нашего анализа. Теперь мы можем говорить не столько о споре западников со славянофилами и почвенниками, сколько о том, что наследие Западной Европы за последние три века исчерпало свой ресурс содействия развитию нашей страны. Это придает поистине глобальное, фундаментальное значение понятию нашей суверенности – именно на уровне идей, культуры и цивилизации, собственного исторического наследия во всей его полноте.

Своей великой русской литературой XIX века мы вдохнули новую жизнь в гуманистические традиции европейской культуры, которая тогда, казалось, находилась в состоянии творческого кризиса. Достоевский дал миру «новое Евангелие» на этапе прогрессирующей дехристианизации Запада, наряду с Пушкиным, Толстым, Чеховым и многими другими он создал современный вариант Русской правды, которой мы спасались во времена идеологического гнета и которая

⁴² О. Шпенглер, *Закат Западного мира*, М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017, стр. 28.

вместе с Великой Победой служит духовно-нравственным основанием новой России, составляет содержание нашей идентичности. Н.Бердяев, который также писал о «сумерках Европы», считал, что «Достоевским русский народ оправдает свое бытие в этом мире на страшном суде народов».

Шпенглер писал о Достоевском: «Достоевского не причислишь ни к кому, кроме как к апостолам первого христианства... Христианство Толстого было недоразумением. Он говорил о Христе, а в виду имел Маркса. Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию». Толстой как мыслитель «связан с Западом всем своим нутром. Он – великий выразитель петровского духа, несмотря даже на то, что он его отрицает. Это есть неизменно западное отрицание... Это делает Толстого отцом большевизма»⁴³. Вспомним о статье Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Наш современник Архиепископ Кентерберийский (высший иерарх Англиканской церкви) Роуэн Уильямс в своем исследовании творчества Достоевского с теологического угла сравнивает его с иконой. В его понимании, Достоевский «продолжает вопрошать своих читателей, в силах ли они помыслить, что человечество лишь тогда становится самим собой, когда является отражением иного – и, соответственно, какова цена неустанного утверждения такого человечества в мире, который, кажется, только и делает, что отрицает его. Это вопрос одновременно литературный, теологический и политический. И безошибочно современный»⁴⁴. Это позволяет судить уже о всемирном значении утверждения нами своей идентичности и мотивах Запада в его намерении ее уничтожить. Она, в этом нет сомнений, как никогда, стоит на его пути, отмеченном в наши дни мутацией либерализма в направлении тоталитаризма, античеловечности и «трансгуманизма» – вполне в русле пророчеств Достоевского в его «Бесах» и «Легенде о Великом инквизиторе». Если не мы это остановим, как остановили гитлеризм в Великую Отечественную, то кто?

⁴³ там же, стр. 653-655.

⁴⁴ Роуэн Уильямс, Достоевский: язык, вера, повествование - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, стр. 280.

Нынешнее обострение в наших отношениях с Западом и положение о России как о «самобытном государстве-цивилизации» в новой редакции Концепции внешней политики России послужили толчком к тому, чтобы всерьез заняться культурно-цивилизационным самоопределением страны. В этом главная новация новой Концепции, это часть более широкого вывода о том, что многополярность, за которую мы ратовали уже более 20 лет, будет отражать и выражать культурно-цивилизационное многообразие мира, которое подавлялось на протяжении веков глобальным доминированием Запада. Такое самосознание требуется и потому, что без этого нам не понять, почему западные элиты повели себя столь иррационально (вопреки своей светской культуре рационализма!), не смогли интегрировать новую Россию в западное сообщество и кооптировать в контролируемый ими геополитический миропорядок на достойных условиях и, по сути, отвергли нас как партнера.

Сложность, однако, состоит в том, что мы на протяжении, по крайней мере, трёх веков ассоциировали себя с Европой, полагая, что существует европейская цивилизация и мы как минимум являемся одной из ее ветвей. Такой подход был в равной мере свойственен как самодержавной власти в XIX веке, так и советской в XX-ом. Иные построения отвергались цензурой, как о том свидетельствует «Письмо о цензуре в России» Ф.Тютчева. Что говорить о советской эпохе с ее идеологической догмой, ставшей огромным когнитивным ограничителем (даже диссиденты, как и думские либералы-англофилы, осуществившие Февральскую революцию, требовали «больше Европы» и «правильной», то есть западной демократии)? После окончания холодной войны и распада СССР наша общность с Европой выводилась в том числе из общих христианских корней, хотя христианство – восточная религия, а Запад, где она дала поистине «цветы необычайной красоты» в архитектуре и живописи, литературе и музыке, преодолел Новый Завет через Реформацию – ввиду необходимости сакрализации англосаксонского капитализма (деловой успех и процент с капитала стали выдаваться за благодать). О.Шпенглер не случайно определил душу человека западной цивилизации как «фаустовскую» в ее «полете в бесконечное пространство», в то время

как Ф.Тютчев писал, что христианство в полной мере совпадало с душевным строем русского народа. «Не хлебом единым ...», «Жизнь свою за други своя» и другие Евангельские истины вполне выражали нашу идентичность, как она проявилась в истории.

Поэтому все общество практически исходило из того, что мы европейцы и чуть ли не авангард (в советское время) этой цивилизации. Можно сказать, что со времени западников и славянофилов дискуссии на тему цивилизационного статуса России практически не велись. Вопрос представлялся решенным если не в эпоху Петра, то уж во всяком случае после Революции 1917 года. А тут еще участие, подчас решающее, в европейской политике, освобождение Европы от Наполеона и затем Гитлера. Логично было предположить на этом историческом фоне, что мы можем встроиться в Европу НАТО и ЕС, раз отказались от враждебной Западу идеологии и вообще идейно разоружились. Как оказалось, там нас не ждали, так как вовсе не считали своими. Только Украинский кризис дал это четко понять. Он показал, что Запад един, что НАТО и ЕС – это стороны одной и той же медали и что двойное расширение было связным и взаимно обусловленным процессом.

Нет сомнений в том, что, познав себя и поняв свою отличность от Запада, мы сможем более целенаправленно и связно выстраивать стратегию собственного развития. Более уверенно чувствовать себя в отношениях с внешним миром. Более того, понимать свою миссию в этом мире, то, что мы можем и призваны ему дать – в развитие того, что уже дали.

Надо признать, что мы не стоим и никогда не стояли перед выбором между Европой и Азией. Это – ложный выбор. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на Китай и Индию – два других государства-цивилизации, куда возвращается центр глобального экономического роста после того, как он оттуда переключался в середине XIX века вследствие Промышленной революции и, добавлю, под залпы западных орудий, «открывавших» Китай, Японию и Индию.

Разумеется, не может быть и речи об отказе от европейской части своего исторического наследия. Мы переняли эстафету лучшего

в европейской культуре, причём не только в литературе и музыке, но и по части идей и гуманистической направленности Просвещения, от идеалов которого Запад последовательно удалялся не только в процессе создания колониальных империй, но и привнеся те же инстинкты в европейскую политику, будь то Религиозные войны, войны Наполеона или две мировые войны. В Елизаветинскую эпоху Англия в своем роде сняла сливки с европейского Возрождения в форме такого проекта, как Шекспир, который модернизировал и облагородил английский язык до уровня, когда он смог тягаться с французским (аналогичный процесс прошел ранее при дворе Франциска I). Нечто подобное по отношению к Западу выпало на долю России, когда она «ответила гением Пушкина на вызов, брошенный Петром».

Нет нужды приводить мнения западных мыслителей и политиков об отличности России от Европы – их масса (от де Кюстина до Бисмарка), да и сама история доказала, что Россия играла в истории Европы и мира исключительную роль, которую никто другой играть не мог. И это при том, что мы никогда (за исключением большевизма времён веры в Мировую революцию, хотя у того же Ф. Энгельса это присутствовало во взгляде на Россию как на «слабое звено» капитализма) не претендовали на исключительность.

Полтора столетия назад Тютчев писал, что России надо «только оставаться там, где нас поставила судьба. Но таково роковое стечение обстоятельств, вот уже несколько поколений отягощающих наши умы, что вместо сохранения у нашей мысли относительно Европы естественно данной ей точки опоры мы ее волей-неволей привязали, так сказать, к хвосту Запада»⁴⁵. Похоже, что этот период в развитии нашей мысли подошел к концу и что теперь, в эпоху больших вопросов, требующих разрешения, мы более не можем откладывать на потом свое культурно-цивилизационное самоопределение, что нужно не только нам самим, но и Западу и всему остальному миру. Да и подумать только: ведь мы хотели встроиться в Запад, что на деле означало бы увековечение западной гегемонии и наше участие в неокOLONIALном ограблении незападного мира! Разве об этом говорила вся наша история, и была бы тогда Россия страной, прошедшей

⁴⁵ Россия и Запад – М.: Культурная революция; Республика, 2007, стр. 17.

через всю эту историю, которая тогда уж точно была бы сплошным недоразумением. По большому счету, это стало бы предательством по отношению к достижениям, страданиям и жертвам десятков поколений русских людей.

Нам надо будет возобновить изучение вопроса там, где остановились наши предшественники, а именно Н.Я. Данилевский, Тютчев, К.Н. Леонтьев, Достоевский (особенно его «Бесы» и «Легенда о Великом инквизиторе», предшествовавшие антиутопиям Дж. Оруэлла), Лев Гумилев, А.И. Солженицын и В. Цымбурский. Не помешал бы и Питирим Сорокин, который предрек крах потребительского социокультурного уклада в СССР и на Западе. Я бы не исключал из этого ряда Пушкина (с его неотправленным письмом Чаадаеву), самого Чаадаева, который отнюдь не столь однозначен, как принято считать. И конечно, Тургенева, который, по свидетельству Л. Гроссмана, в мыслях о будущем России «указал знак спасения в духовном достоянии своей нации», включая «всечеловеческое значение русской творческой культуры»⁴⁶. Несомненно плодотворным был бы тезис Шпенглера о псевдоморфности российской цивилизации, подтверждённый всем историческим путём развития нашей страны, начиная с призвания варягов и Крещения Руси:⁴⁷ мы многое вернули Европе в преображенном виде.

Отношение к делу будут иметь и суждения В. Вульф (ее эссе «Русская точка зрения») и У.Х. Одена о Русской литературе вообще и Достоевском в частности. Ведь по плодам надлежит судить и о дереве! Так, В. Вульф пишет, что вся русская литература о душе, о ее состоянии относительно добра, в то время как «английский читатель не знает, с чем едят эту самую «душу»⁴⁸. Современный английский автор Джеф Дайер в своей книге, посвященной фильму «Сталкер», который он регулярно пересматривает с тех пор, как в молодости впервые его увидел, свидетельствует о том, что наше искусство в XXI в. продолжало выполнять свою всемирную духовно-нравственную

⁴⁶ Л. Гроссман, Литературные портреты, – М: РИПОЛ классик, 2010, стр. 226-227.

⁴⁷ Закат Западного мира, стр. 650-655.

⁴⁸ Вирджиния Вульф, Обыкновенный читатель, – М.: Наука, 2012, стр. 140-141.

миссию⁴⁹. Признаём мы это или нет, но в своей литературе, включая «рассказы Чехова ни о чем», мы преодолевали европейский логоцентризм Нового времени. Вершиной стали полифонические романы Достоевского с их «последними вопросами» бытия и диалогами «на пороге» (М. Бахтин). Отсюда эмансипированный и ничем не детерминированный «человек без содержания» Дж. Агамбена – идея, которую западные элиты переносят в русло свойственной им биополитики, вершиной которой пока может считаться нацизм.

Кричащая разница в мироощущении, а значит, и в культурно-цивилизационном отношении дает о себе знать на Украине, когда деятели режима заявляют о том, что их «религия – убивать русских», а западные СМИ это транслируют, не смущаясь явной расовой ненавистью. Сами украинские власти не говорят о защите страны и ее народа, своей демократии, а именно о ненависти к русским и всему русскому, чему они могут противопоставить только вышиванки и бытовой украинский язык, который не произвел великой литературы, подобной русской (при участии самих украинцев, таких как Гоголь) или английской (с участием шотландцев и ирландцев). Но на отрицании ничего не построишь, и вот вместо позитивного продукта (а кто бы отрицал важное значение для нашей общей культуры, в том числе музыкальной, украинских народных песен, в которых все гармонично и ни слова злобы), мы сталкиваемся с проповедью какой-то первобытной, пещерной ненависти. В то время как в России молятся о своих, об их возвращении здоровыми и невредимыми в свои семьи – ни слова об убийстве украинцев, как это было и в отношении немцев, когда Красная армия ступила на территорию Германии. Поневоле напрашивается вывод о конфликте двух культур – западной, как она проявляется в Украинском проекте, и русской, что многое объясняет и дает дополнительный аргумент для межцивилизационного размежевания как основы реалистичной политики на западном направлении. Может тогда, действительно, «Це Европа!», и на этом нам надо закрыть вопрос и перестать претендовать на европейскость? Разве за такую Европу воевали народы СССР в Великую Отечественную?

⁴⁹ Geoff Dyer, *Zona, A book about a film about a journey to a room*, Canongate, Edinburgh-London, 2012.

Мы думали, что Запад трансформируется так же, как и мы. Но он пока доказывает свою несовместимость с другими культурами и цивилизациями на согласованных, а не навязанных условиях. Но именно культурно-цивилизационная совместимость представляется важнейшей чертой России, пусть даже на условиях мирного сосуществования, отвергаемых сейчас Западом. Это не значит, что в широком мировом сообществе мы не будем отстаивать свои взгляды, которые в корне противостоят самому способу существования Запада.

Смысл имеют и упражнения в альтернативной истории. К примеру, если бы Бьеркский договор не был недоразумением и определил бы переориентацию России на Германию в канун Первой мировой войны, то ведь это обозначило бы согласие на порабощение Берлином Франции и всей остальной континентальной Европы – то, чего мы не допустили во время Военной тревоги 1875 года. Более агрессивная заряженность германской элиты тогда означала бы, что в Европе и Евразии не возникла бы полноценная германо-российская система, Россия со временем утратила бы свой суверенитет и право на историческое творчество и стала бы частью корпоративного евразийского пространства (возможно, поначалу «мягкого» – по типу перонизма в Аргентине), подпираемого с Запада Вторым рейхом и милитаристской Японией с Востока (кстати, модернизация Японии по прусскому образцу предопределила и сходство судеб обеих стран в XX веке). Знаменитая записка Петра Дурново царю от февраля 1914 года говорит именно об этом. Тогда уже существовали в России протофашистские деятели и практики (зубатовщина), реальный смысл которых проявился в Европе в межвоенный период.

В том числе и поэтому, как тогда, так и сейчас, у России нет опции «цивилизационного равнодушия» (см. статью Б. Межуева в РГП за сентябрь-октябрь 2022 года). Мы-то можем оставить Запад в покое на уровне прямых отношений, но конечно, никак не в области нашего участия в общих делах человечества – тогда мы перестали бы быть самими собой. Дело в том, что Запад не готов оставить нас в покое, как если бы уверовал в верность слов Тютчева о том, что «самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада». О том

и Украинский кризис, и нашествия Наполеона и Гитлера, и Крымская война, не говоря уже о всей истории наших взаимоотношений, начиная с XIII века и включая исторический выбор Александра Невского. Участвуя в раскладах европейской и мировой политики, а это было неизбежно, мы сплошь и рядом были вынуждены отстаивать свое право на существование. Пусть даже плодами наших побед в большей мере пользовались те или иные западные партнеры, нет сомнений в том, что история Запада без нашего участия была бы иной и, скорее всего, печальной, если судить хотя бы только по нынешним трендам в развитии Запада, включая «трансгуманизм» и попытки преодоления биологического детерминизма по части пола. Нам ли по пути с этой Европой, преодолевающей себя? По пути с США, где объектом разрушительной политики ультралиберальных элит, сделавших, как и большевики в России, ставку на маргинальные слои и демократическую Мировую революцию, стала коренная белая Америка со своими традиционными ценностями и своей верой? Мы все это видели и через этот тоталитаризм прошли, и всегда узнаём его, в какие бы цвета он ни был окрашен и как бы идеологически ни был упакован.

Таким образом, с нынешним покушением на нашу идентичность и историю замкнулся круг российской политики Запада протяженностью в восемь веков, что только подтверждает правоту Тютчева и анализ Шпенглера. Культурно-цивилизационное самоопределение России назрело давно и стало насущной необходимостью. Оно нужно как нашим друзьям, так и нашим недругам, но прежде всего нам самим. Великая Победа приоткрыла нам завесу над этой тайной, которую, как отмечал Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи, нам оставил гений великого поэта. Там Достоевский говорил о всемирной отзывчивости и всечеловеческом призвании России, что подтверждает вся наша история. В доказательство он приводит «Маленькие трагедии» Пушкина и цитирует стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья»:

«Удрученный ношей крестной,

Всю тебя, страна родная,

В рабском виде Царь Небесный

Исходил, благословляя».

Ранее, в 1861 году, Достоевский писал: «Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных... Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем..., что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, станет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством... развивает Европа в отдельных своих национальностях»⁵⁰.

Это должно стать междисциплинарным и, безусловно, публичным проектом, с привлечением широкой общественности, с дебатами в мультимедийном пространстве. Мы, наконец, должны знать, откуда мы, кто мы и в чем смысл нашего существования в этом мире в конкретных исторических условиях сегодняшнего дня. Эту задачу, безусловно, и ставит Концепция.

Ключевой темой остаётся наша роль во Второй мировой войне. Тут не приходится сомневаться в том, что нашу страну хотят уничтожить изнутри, отняв у нас нашу историю. И это то, где нам отступать некуда. Тем большее значение приобретает память о Победе, за которую мы бьемся в том числе на Украине. Еще совсем недавно можно было встретить и по этому вопросу объективные оценки западных историков. Так, британский военный историк Макс Гастингс в статье в популярной «Дейли Мейл» 7 мая 2015 года в связи с 70-летием окончания войны в Европе писал: «Если бы Гитлер не напал на Россию и русские не сопротивлялись бы со стойкостью и духом самопожертвования, которые недостижимы в западных демократиях, мы, возможно, продолжали бы с ним бороться до сих пор. Крайне маловероятно, чтобы британские и американские армии когда-либо

⁵⁰ Ф. М. Достоевский, Политическое завещание, Сборник статей за 1861-1881 гг., – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006, стр. 12-13.

смогли самостоятельно одержать победу над вермахтом». Разве речь не идет о реальных культурно-цивилизационных различиях?

Наша Победа в 1945 году, как и победа над Наполеоном, является яркой иллюстрацией того, что в современной философии называется «иронией объекта», отвечающего на «банальную стратегию» противника (у Наполеона – выиграть войну в одном-двух приграничных сражениях, у Гитлера – выйти на линию Архангельск-Астрахань за первые три месяца военных действий) своей «фатальной стратегией», укорененной в его идентичности, судьбе и историческом призвании. Как отмечает Жан Бодрийяр в своих «Фатальных стратегиях» (1983 год), «объект вступает именно в ту игру, в которую его хотят заставить играть, и, удваивая ставку, в определенном смысле перебивает цену стратегических правил, которые ему навязывают, вводя таким образом... фатальную для субъекта стратегию.»⁵¹. Что если не это представляет наш переход к затяжному конфликту в рамках СВО в ответ на попытку западного блицкрига, что побуждает Запад импровизировать по ходу развития событий? Кстати, Бодрийяр там же предугадал, что даже в рамках ядерного противостояния может быть воссоздано «ограниченное, так сказать, человеческое, пространство войны, и тогда вооружение вновь обретёт свою потребительную стоимость»⁵². Что тоже звучит весьма актуально.

⁵¹ Жан Бодрийяр, Фатальные стратегии - М.: РИПОЛ классик, 2018, стр. 269.

⁵² там же, стр. 17.

IV ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ

Проблема культурно-цивилизационного самоопределения России безусловно центральная в новой Концепции. Надо полагать, поэтому она и была принята в штывы западными столицами. Другой элемент новизны во внешнеполитическом анализе – сопряжение темы многополярности и культурно-цивилизационного многообразия мира, которое она и будет призвана отражать. Этот подход имеет реальные последствия для практической политики, так как опыт последних полутора лет, а по большому счету, всего периода после окончания холодной войны показывает, что Западу, как он ни старался, не удалось сдвинуть с позиций суверенитета и укорененности в собственном понимании своих национальных интересов ни Россию, ни Китай, ни Индию, ни арабо-исламский мир, да и все Мировое большинство.

Собственно, поэтому Концепция носит поистине новаторский характер – она отражает то, что стало до боли очевидным. Ни о каком встраивании России в Запад/Европу речи идти не может. Российский мининдел С.В. Лавров, выступая на XXXI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 20 мая 2023 года, сказал: «Ясно, что западный «трек» в том виде, в котором он развивался до недавнего времени в нашей внешней политике, себя полностью исчерпал. Мы вступили в фазу острейшего противоборства с агрессивным блоком в составе США, ЕС и Североатлантического альянса»⁵³.

Мы действительно чужды в культурно-цивилизационном отношении, и это надо просто признать и найти пути сосуществования, как это было в холодную войну. Но даже тогда инициатива о мирном сосуществовании исходила от Москвы, в то время мыслившей себя частью Европы, и только наличие ядерного оружия в сочетании с Карибским кризисом убедило Запад в отсутствии других разумных вариантов ведения дел с Москвой. Особенность сложившейся

⁵³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на XXXI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 20 мая 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1871520/.

ситуации состоит ещё и в том, что теперь Россия не нужна для выяснения внутризapaдных отношений, как это было во времена Наполеона, экспансии кайзеровской и нацистской Германии. Запад един как никогда, и его элиты полны решимости отстаивать свой весьма корыстный интерес, связанный с преимуществами своей гегемонии/империи. Их контроль за институтами миропорядка выдается за «международное общественное благо», за пользование которым незападным странам надо платить, в том числе терпеть неокOLONиальную эксплуатацию, несправедливые условия торговли, диктат поставщиков промышленной продукции, даже если она произведена на месте, но по западной технологии, ноу-хау, с использованием западных брендов, рынков и т.п.

К такому выяснению отношений с Западом мы подходили долго, пройдя через иллюзии и самообман, попытки взывать к предполагаемой рациональности партнеров, которым ведь легче было бы интегрировать Россию (да и Китай тоже), чем рисковать никому не нужными потрясениями глобального масштаба. И разве политика вовлечения Советского Союза не дала нужные Западу результаты? Оказалось, что она была продиктована страхом, а раз он исчез, то и «вовлекать» не надо. Украина показывает, что к прямой конфронтации с Россией ни США, ни НАТО не были готовы, но рискнуть – довольно бездумно и азартно – Украинским кризисом все же решились.

К сожалению, это та реальность, с которой нам и всему незападному миру приходится иметь дело. И Концепция не могла не расставить тут точки над «i». Вполне естественно, что Европа и англосаксы оказались в хвосте наших внешнеполитических приоритетов. Более того, получается исторический ряд, который диктует свою логику: нам последовательно пришлось отбиваться от поляков, шведов, французов, немцев (дважды), от всей Европы при Наполеоне, в Крымскую войну и при Гитлере, и вот пришла очередь прямого противостояния с англосаксами? Настолько примитивно, что даже не хочется верить! Наверное, так устроен мир – *ainsi va le monde!* Объяснить можно только тем, что с той стороны ни во что не ставят историю и попросту не хотят ее знать, на что и указывает Киссинджер

в книге, которая по своему содержанию похожа на политическое завещание. И трудно сказать, то ли это интеллектуальное незнание, то ли элементарное нежелание принимать мир таким, какой он есть (тем хуже для мира?), и не рисковать принятием трудных решений долгосрочного характера по собственной трансформации вопреки краткосрочности электоральных циклов (после меня хоть потоп?).

Конечно, нам, уверовавшим во врожденную рациональность Европы и принявшим эстафету европейского Просвещения, невозможно было подумать, что наши отношения настолько деградируют, что Запад решится повторить историю и подписать братскую, казалось бы, Украину на роль, которая была отведена западными элитами в первой половине XX века Германии. Да и выдумывать ничего не стали: тот же агрессивный национализм, только заточенный против «москалей», а не против всех славян, произведенных в «европейцев» посредством расширения НАТО и ЕС, плюс милитаризм и «ничего не бойтесь – мы с вами!». Кажется, что так не бывает, что это на уровне хулиганства в масштабе жилого микрорайона, но так есть.

Гитлера умиротворяли и даже делали вид, что с ним воюют, раз в самый последний момент дали гарантии Польше (Странная война 1939–1940 гг., о которой на Западе не любят вспоминать). Украине никаких гарантий давать Вашингтон, судя по всему, не намерен: таковыми должны быть сохранение враждебного нам режима в Киеве и его сверхмилитаризация, то есть повторение пройденного. Никаких институциональных гарантий, будь то австрийский вариант Государственного договора, «финляндизация» или радикальная реформа европейской архитектуры безопасности, натоцентричность которой довела нас до Украинского кризиса, причем, как указано выше, вполне предсказуемо, по крайней мере, для профессиональных политологов и дипломатов.

О повороте на Восток в нашем международном позиционировании, а это еще одна новация в Концепции, будет сказано ниже. Главное, что она отвечает императивам нашего внутреннего развития – ведь именно на торможение нашего развития направлена западная политика сдерживания, о чем неоднократно говорил Президент

В.В. Путин. Пока же об элементах преемственности в новой Концепции по отношению к предшествовавшим ей документам стратегического планирования.

Прежде всего надо отметить тезисы о многополярности и многовекторной дипломатии. Они уже фигурировали в первых концепциях, но в равной мере отражали как прогноз геополитических трендов на период после окончания холодной войны, который вполне подтвердился, так и были формой отстаивания своего суверенитета во внешней политике на этапе ослабления страны, которой еще только предстояло подтвердить свой статус глобальной державы. Если играть по геополитическим правилам, а их устанавливал Запад, то пришлось начинать с эффективного применения силы – в ответ на нападение Грузии на Южную Осетию и российских миротворцев в августе 2008 года, в поддержку воссоединения Крыма и Севастополя с Россией вследствие проведенных там референдумов в марте 2014 года (после госпереворота в Киеве в феврале того же года) и ограниченная военная операция в сентябре 2015 года в поддержку законного правительства Сирии, которая стала жертвой джихадистской агрессии.

Именно силовые аргументы наиболее доходчивы для западных элит, тем более, когда речь идет о подрыве их монополии на проецирование силы за пределы собственных границ, которая до указанных событий казалась незыблемой. Теперь в Концепции прописано, что Россия оставляет за собой право «отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами». В условиях повышения роли фактора силы в международных отношениях – это тренд, заданный политикой западных государств, развязавших против России «гибридную войну нового типа», – Россия вынуждена использовать свои вооруженные силы согласно Статье 51 Устава ООН не только для отражения нападения, но и по его предотвращению. При этом авторы Концепции исходят из того, что приходится иметь дело с вариантами косвенной агрессии, как это случилось в отношении Украинского кризиса и агрессии против Сирии с помощью ИГИЛ летом 2012 года. Нам никто не объявляет войну открыто и не занимается после этого многомесячным сосредоточением

сил у наших границ. Так было и с вероломным нападением Гитлера в 1941 году. Ничем не отличается и решение о расширении НАТО, подлинный смысл которого обнаружил Украинский кризис.

Надо сознавать, что многополярность и многовекторность всегда существовали в практике международных отношений: просто не было самих этих терминов – за ненадобностью, поскольку речь шла о вещах вполне естественных, когда существует несколько акторов, выстраивающих отношения между собой. Другими словами, речь идет о возвращении межгосударственных отношений в свое естественное состояние эпохи до Крымской войны, которая запустила продолжающийся до сих пор цикл конфронтационных конфигураций в европейской и глобальной политике. Временный уход России в себя (знаменитое горчаковское «Россия не сердится – она сосредоточивается») создал условия для объединения Германии в качестве Второго рейха (а не федерации, каковой она стала ценой двух мировых войн) – без активного участия России Европа не смогла предотвратить такое развитие событий. Причем именно кабинет Пальмерстона настаивал на унизительных для Санкт-Петербурга ограничительных (на Черном море) статьях Парижского мирного договора 1856 года. По злой иронии Великобритания получила в лице объединённой Германии величайшую для себя после наполеоновской Франции военную угрозу, от которой ее не могла спасти империя, а только союз с континентальными державами – Францией и Россией. Лондон доигрался в свою «блестящую изоляцию» – стратегию, которую воспроизводит Вашингтон в форме «балансирования с моря» (offshore balancing), проводимую в порядке сдерживания России и Китая.

Затем последовали дипломатическая подготовка Первой мировой, ставшей, как соглашается Киссинджер в своей статье от 17 декабря 2022 года в британском консервативном журнале «Спектейтор», началом новой Тридцатилетней войны в Европе, включая Вторую мировую и межвоенный период с его фашизмом/нацизмом, питавшимся агрессивным национализмом, милитаризмом и внешней агрессией. Как и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., которая была апогеем религиозных войн в Европе, вызванных Реформацией,

ее аналог привнес в международные отношения новый вариант ценностного антагонизма между государствами – идеологическую конфронтацию, которая определяла содержание холодной войны. В рамках Вестфальского мира европейские державы договорились вывести мировоззренческие противоречия за рамки межгосударственных отношений ради мира на континенте. Без этого в Европе не было бы никакого процветания, капитализма с его «протестантской этикой» и континент впал бы в варварство и самоуничтожение. На саморазрушение были похожи две мировые войны, уходившие корнями в подъем идеологий после Французской революции – они становились официальными и послужили заменой прежним антагонизмам на религиозной почве.

Вестфальские принципы – суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела и уважение территориальной целостности – были закреплены по итогам Второй мировой войны в Уставе ООН. Несмотря на военно-политическую и идеологическую конфронтацию холодной войны, они обеспечивали минимальные рамки для поддержания международной стабильности и безопасности. И это при том, что наряду с послевоенным международным правопорядком с центральной ролью ООН существовал геополитический миропорядок, ограничивавший и искажавший функционирование первого. Так, многополярность, закрепленная в форме принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН и призванная побуждать ведущие государства мира договариваться между собой, была подменена биполярностью двух сверхдержав и двух систем с противостоящими идеологиями.

Окончание холодной войны (Советский Союз из неё просто вышел, как он вышел из Афганистана) и распад СССР создали условия для преодоления идеологической конфронтации и полного торжества Вестфальских принципов. И действительно, более эффективно заработала ООН: за первые 20 лет после 1989 года число резолюций СБ ООН возросло втрое по сравнению со всем предшествовавшим периодом существования Организации, а это как-никак 44 года.

Однако, если новая Россия отказалась от советской идеологии и идеологии вообще, то Запад этого не сделал. Его идеология с поправкой на неолиберальную экономическую политику начала 80-х гг. и глобализм на ее основе виделись в западных столицах в качестве идейного драйвера «автоматического» распространения доминирования Запада на весь остальной мир. «Однополярный момент» в политике и рыночная стихия в экономике стали рецептом, прописанным миру западными элитами при лидирующей роли США. Эта инерционность отрицала любой свежий взгляд на вещи и любые шаги по адаптации к качественно новой ситуации, сложившейся в мире и чреватой как новыми вызовами, так и новыми возможностями. Можно сказать, что 30 лет были потеряны зря, если, конечно, не считать накопленного негативного опыта, включая его апогей в форме нынешней гибридной конфронтации и открытой экономической войны Запада с Россией.

Поэтому и можно говорить о том, что пришло время для возвращения мировой политики к здравому смыслу и позитивному историческому опыту, в направлении которого указывают культурно-цивилизационная многополярность и многовекторная дипломатия, буквально изжитые Западом из практики и теории международных отношений. Надо признать, что за эти порядка 200 лет, если вести отсчет от Промышленной революции и Крымской войны (кстати, значение имела и Гражданская война в США, которая привела к унификации экономической модели самой Америки), мир стал по-настоящему глобальным, но на условиях западной гегемонии. Теперь глобальный мир вырос из этой гегемонии, которая свелась исключительно к обеспечению глобальной/неоколониальной ренты Западу и стала смиренной рубашкой мирового развития (кстати, вполне уместнее критика Западом упадка Испании, которая существовала за счет вывода золота из Америки, а не производила «простой продукт»: геополитическая рента – то же золото того периода). Именно торжество Вестфальских принципов может обеспечить позитивную трансформацию мира, создавая условия для свободного развития всех культур и цивилизаций. Это уже происходит

в форме регионализации мировой политики и роста региональных кластеров развития.

Сама материя развития и международных отношений, воплощающих ценностное, идейное и на уровне практической политики богатство мира, становится слишком обширной и многообразной для унификаторства и контроля со стороны одного мирового центра. Для этого у Запада нет ни достаточных ресурсов, включая военно-политические и экономические, ни внутренних резервов, истощаемых необходимостью разрешения очередного (после кануна Великой депрессии и конца 70-х гг., когда выбор был сделан в пользу рейганомики/тэтчеризма, покусившихся на многообразие социально-экономической практики уже в самом западном сообществе) комплексного кризиса западного общества. Одновременно заявляет о себе капитализм, требующий как «творческого разрушения», так и стабильности. Трамп предложил пути внутреннего «сосредоточения» для Америки и Запада в целом, но его революцию, на которую наклеили все тот же ярлык «популизма», придушили ультралиберальные элиты при помощи «глубинного государства». Как раз стабильность западные элиты оказались не в состоянии обеспечить.

Свидетельством того, что что-то не так на Западе, служит то немаловажное обстоятельство, что Россия в условиях беспрецедентного санкционного давления вновь вошла в десятку ведущих экономик мира, а темпы ее экономического роста в кризисных для всех условиях превышают аналогичные показатели ряда западных стран, включая Великобританию. Можно предположить, что сказываются такие факторы, как рост ВПК в связи с СВО и импортозамещение, но, наверное, не только они. Вопрос может стоять значительно шире и фундаментально – о коренном переделе в глобальной экономике в пользу природных ресурсов и базовых факторов обеспечения жизнедеятельности. Именно исчерпаемость ресурсов, похоже, служит источником новых биополитических построений в части западных элит, на что может косвенно указывать заявление Илона Маска о том, что Дж.Сорос, «серое преосвященство» их верхушки, «ненавидит человечество».

В том числе в этой связи встаёт вопрос о культурно-цивилизационном самоопределении России, пророчески ставившийся Тютчевым. Свод западных идей и практик, как теперь стало очевидным, весьма далеких от здравого смысла и гуманизма, исчерпал себя сам. Надо ли нам держаться за эти «зады» – вот в чем вопрос, и он ставится в Концепции. Круг замкнулся и в этом отношении, как замкнулись большие циклы европейской и глобальной политики, курса Запада на сдерживание России и развития международных отношений как таковых. Нам предстоит выработать комплекс связанных идей по всем этим вопросам и сделать это в полном понимании исторической преемственности и связи времен в нашем развитии, по-разному и на разных исторических этапах, прерванных и подвергшихся искажению. Это можно называть Русской идеей, как у Достоевского, или Русской правдой, заимствованной у Ярослава Мудрого, но суть должна быть одна – вернуться к своим духовно-нравственным истокам, к себе и на этой основе определить свое место и роль в мире сегодняшнего дня.

Для этого придётся переосмыслить не только весь свой исторический опыт, включая советский, но и всю историю человечества, из которой Запад под разными предлогами исключал другие культуры и цивилизации, одновременно генерируя обширный пласт собственной мифологии, что и стало мощным когнитивным ограничителем нашего взгляда на мир и собственного развития, причем не только интеллектуального. Отсюда следует, что мы не должны проходить мимо указанных советов Киссинджера западной элите и начать можно было бы с истории как основы всего процесса осмысления себя и понимания смысла своего бытия в этом мире. Последний явно присутствует и разбросан в различных проявлениях нашего духа – тому свидетельствует упорная восьмивековая политика сдерживания нашего развития Западом. Далеко не случайны утверждения со стороны, включая Бисмарка и фельдмаршала Миниха, о том, что Россия – Богом хранимая страна. Это доверие нельзя не оправдать, как его оправдывали наши предки, поступая так, поскольку не могли иначе. Нам же надо выбраться из-под накопившихся завалов, чтобы понять, чему ещё мы должны ставить пределы помимо «полета

фаустовской души Запада в бесконечное пространство», и тогда станет ясно, что нам делать во внешней политике, как себя позиционировать в мировых делах. Нет сомнений в том, что важнейшим ориентиром тут будет наша Великая Победа – не зря же она стала главной целью западной политики последних десятилетий, включая пресловутый Украинский кризис.

V

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: ПОВОРОТ К МИРОВОМУ БОЛЬШИНСТВУ

Условия проведения российской внешней политики коренным образом изменились. Анализ причин противоречий, приведших к противоборству России и Запада, а также стратегий сторон, свидетельствует о том, что долгосрочной целью внешней политики РФ уже не может быть встраивание в систему международных отношений, де-факто созданную коллективным Западом, в которой он по-прежнему имеет по инерции ведущие позиции, несмотря на его объективно сокращающийся вес. Эта система и вся западная мифология в целом, а не только организации, в которых Запад доминирует, – источник его влияния. Целью политики РФ может быть формирование вместе с другими заинтересованными сторонами новой модели миропорядка, в которой не будет гегемонов, а будет своего рода коллективное лидерство, нечто межцивилизационное, основанное на системе ООН и универсальных международных инструментах, принятых в период до «однополярного момента». Движение к реализации этой цели требует максимального использования ресурсов внешней политики России и снижения источников ее уязвимостей в условиях радикализации враждебной политики Запада, а также демифологизации его мнимых преимуществ как «поставщика» международных благ.

Разворачивается сражение за будущее России, Европы, Запада и всего мира, за выживание России как суверенного государства, наконец начавшего осознавать себя таковым, своеобразной цивилизацией, как формы и метода существования народа России, гарантии его права на историческое творчество. Страна уходит от западной, евроатлантической цивилизации в ее современном виде и после 300-летнего «хождения по мукам» возвращается к себе, оставив позади полезный, но горький опыт участия во внутриевропейских/внутризападных раскладах с необходимостью выбирать между собственным существованием и потерей своей цивилизационной идентичности, которую, несмотря ни на что, удалось сохранить. Это можно назвать исторической Россией, оказавшейся вновь, как это

было при Александре Невском или в Смутное время, лицом к лицу с историческим Западом.

Теоретически в будущем можно ожидать относительной нормализации отношений с Западом, для начала экономической – в случае прихода к власти более национально ориентированных элит и признания ими национальных интересов России. Приходящие к власти неизбежно более авторитарные режимы могут нести и дополнительные опасности. Но и при позитивной динамике отношений никакого возврата в относительно предсказуемое прошлое не произойдет. Почти неизбежна фашизация части западных стран, поддержка нацистского режима на Украине – первая ласточка: не справляющиеся элиты обращаются к ультранационализму и маргинальным слоям, зажиму свободы слова и инакомыслия.

Конфликт с Западом ввиду проводимой им «ползучей» эскалации своей вовлеченности на Украине уже имеет все признаки «балансирования на грани войны». Очищенный от конъюнктурной мифологии позднего советского периода опыт Советского Союза, когда при Н.Хрущеве проводилась политика, сформулированная как «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам», а это были Берлинский, Тайваньский и Карибский кризисы, стратегия «спиной к спине» с Китаем, доказал свою эффективность. Эта линия не осуществлялась на пустом месте, а была подкреплена экономическим и технологическим прорывом, равно как и нашей ведущей ролью в осуществлении процесса деколонизации. Эти уроки востребованы и в нынешней ситуации.

За прошедшие два десятилетия России удалось консолидироваться внутренне, укрепить свой государственный суверенитет, воссоздать экономическую и особенно военную основу для проведения самостоятельной внешней политики. На постсоветском пространстве – особенно после 2020 года – удалось укрепить союзнические отношения с Белоруссией. Сохраняется и развивается, несмотря на неблагоприятные условия и внешнее противодействие, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также ОДКБ, еще раз доказавшая в Казахстане свою полезность. Но обострение кризисных явлений

в мире все явственнее угрожает внутренней стабильности ряда ключевых соседних государств.

Удалось сохранить и нарастить нашу внешнеполитическую самостоятельность и позицию государства-гаранта демократизации международных отношений, их освобождения от давления гегемонизма, в направлении многополярности и множественности ценностных систем, культур и моделей развития. Она вызывает всеобщее доверие, ей верят и на Западе – отсюда такая непримиримая позиция по отношению к Москве.

Достижение российской внешней политики последних десятилетий – последовательное развитие отношений с Китаем, которые официально характеризуются как «больше, чем союзнические», «не имеющие границ» и которые в то же время не ограничивают свободу маневра двух держав. Важным результатом российско-китайского взаимодействия стало начало формирования и расширения «Большой Евразии» – пространства геополитической стабильности и сотрудничества в центре континента, внутри которого преодолевается державное соперничество. Прочные партнерские отношения с Китаем – существенный ресурс глобальной политики России.

России также удастся укрепить ослабевшее в 1990-е годы стратегическое партнерство с Индией, которое, однако, по-прежнему основывается на сравнительно узкой экономической базе. Расширение основы российско-индийских отношений и содействие смягчению китайско-индийских противоречий становятся стратегически важными задачами внешней политики России.

Вернувшись в 2010-х годах на Ближний Восток после 20-летнего перерыва, российская внешняя политика сумела занять подлинно стратегические позиции в регионе, причем не на основе диктата, а элементарной востребованности к региональной политике – как сводящего и посредника. Установлены рабочие отношения с ведущими региональными игроками – Турцией, Ираном, Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ, а также с Израилем. Прекрасное знание и понимание сложного региона, четкое и честное формулирование российских интересов на каждом из страновых направлений,

прагматизм и гибкость в сочетании с эффективным применением военной силы (Сирия) способствовали тому, что Ближний Восток стал, вероятно, одним из наиболее успешных региональных направлений современной внешней политики России, и здесь доверие к России, как нигде, огромно. Заметно активизировалась российская политика в отношении стран Юго-Восточной Азии.

Неудача сближения с Западом стала для нас ценным, хотя и очень дорогим уроком. Усвоив его, Россия может выстраивать свою политику уже не как придаток Запада, а как самостоятельное государство-цивилизация, свободно взаимодействующее со странами Мирового большинства в формировании нового миропорядка, отвечающего мировому запросу. Не только интересам, но и самому мироощущению России соответствует порядок, свободный от гегемонии одной страны, группы стран или какой-либо одной цивилизации. Задел для проведения такой политики у России имеется.

С конца 2010-х годов активизировалась политика России в отношении стран Африки южнее Сахары. Оживились связи со странами Латинской Америки – не только с Кубой, Никарагуа и Венесуэлой, но и с крупными государствами – Аргентиной, Бразилией, Мексикой.

На уровне глобальных международных институтов позиции России оказались под давлением, что объясняется тем, что большинство этих институтов находится под влиянием западных государств. Если в Совете Безопасности ООН Россия располагает правом вето и часто действует совместно с Китаем, то в Генеральной Ассамблее ООН антироссийские резолюции до сих пор получают поддержку большинства международного сообщества. Правда, это большинство уже не присоединяется к антироссийской политике в экономической сфере, да и на уровне двусторонних отношений. Это – крупное изменение по сравнению с прошлой холодной войной. Запад ощутимо ослаблен. В специализированных органах ООН – Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Всемирном банке (ВБ) и Международном валютном фонде (МВФ) – влияние России минимальное. Правда, и влияние этих организаций слабеет, что является результатом кризиса всей западной

системы международных координат. Американцы сами парализовали функционирование механизмов ВТО по разрешению споров. Создается впечатление, что сам факт принятия в ВТО Китая и России стал смертным приговором для этой организации. К такой инклюзивности Вашингтон вовсе не был готов, в том числе психологически. Утратило актуальность сотрудничество России с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и естественно, МВФ/ВБ. Можно предположить, что чем больше контролируемых Западом институтов будет разрушено, нейтрализовано и парализовано, тем лучше. Пекин параллельно выстраивает альтернативную архитектуру, будь то АБИИ, ВРЭП или инициатива «Один пояс, один путь», которую, если мыслить категориями классической геополитики, можно квалифицировать как анти-Римленд.

Сильными сторонами российской внешней политики в нынешних условиях являются высокий уровень политической сплоченности общества; высокая степень обеспеченности природными ресурсами для промышленного и сельскохозяйственного производства; мощный интеллектуальный потенциал; сильная государственническая традиция; богатый опыт участия в мировой политике, в том числе опыт как сотрудничества, так и борьбы с ведущими государствами (Китай только его набирается); современные вооруженные силы, обладающие в том числе ракетно-ядерными средствами, пока дающими преимущество в стратегической сфере; высококласный внешнеполитический и дипломатический аппарат; способность политической системы к принятию быстрых решений (в этом наше общее с Китаем преимущество перед Западом); географическое положение, обеспечивающее непосредственный физический контакт со странами Азии, Ближнего Востока и Европы, а также выход к трем океанам – Тихому, Северному Ледовитому и Атлантическому.

Однако кардинально изменившиеся условия требуют проведения существенно обновленного внешнеполитического курса. Он должен быть жестко синхронизирован с внутренней политикой, прежде всего экономической. При сохранении основных принципов внешней политики России, таких как приверженность суверенитету и самостоятельности страны и многовекторность, этот курс не может не

отличаться, причем существенным образом, от внешней политики последних десятилетий. Ситуация не оставляет пространства для прошлой недосказанности и неопределенности в отношении США и НАТО, провозгласивших курс на вражду и на жесткое сдерживание и даже «отбрасывание» и разрушение России при очевидной нереалистичности таких целей.

Очевидно, что Запад более не является и не будет являться в обозримой перспективе потенциальным внешним ресурсом нашего развития и, напротив, будет пытаться всячески его сдерживать, в то время как Мировое большинство (МБ), преследуя, безусловно, собственные интересы, заинтересовано во взаимовыгодном экономическом и ином сотрудничестве с Россией. Как никогда прежде будет востребован трезвый, через призму рисков и возможностей, анализ перспективных трендов мирового развития и текущих событий. А также наших возможностей в их динамике.

Роль классической многосторонней дипломатии в рамках старой рушащейся системы будет сокращаться. На первый план выходит двусторонняя и региональная дипломатия с упором на ключевые страны и организации Мирового большинства с превращением России в одну из его несущих конструкций. Потребуется преодоление идейной и на уровне практической политики инерции позднего советского и раннего российского периодов, включая опыт разрядки и Хельсинкского процесса, которые осуществлялись отнюдь не на равноправной основе и стали одной из причин краха СССР.

Наш выход из западной системы лишает ее универсальности и подрывает ее легитимность. Альтернативой опоре на существующую систему должно стать всемерное развитие сотрудничества на двухсторонней основе и в рамках форумов с нашим участием с условно 20 ведущими незападными глобальными и региональными державами, девять из которых входят в «двадцатку».

Процессы в регионах глобального Юга будут определять уже в среднесрочной перспективе основные тренды развития человечества. Вопрос в том, смогут ли эти страны эмансипироваться в достаточной мере, чтобы создать альтернативные западным институты,

площадки и форматы общения, которые отвечали бы целям их национального развития. Именно на этот вопрос должна им помочь ответить Россия, которая может стать одним из лидеров Большинства. Это Мировое большинство выходит из неокOLONиальной зависимости, что проявилось, в частности, в отказе следовать экономическим санкциям Запада – при сохраняющейся внешней политической поддержке линии Запада в ООН. Но это большинство неоднородно, оно только оформляется.

Миролюбиво настроенные по отношению к нам государства, за редкими исключениями, – не союзники России. Но и традиционные союзнические отношения выходят из моды, другое дело – единомышленники и партнеры. Жесткого раскола мира на два лагеря в результате конфликта на Украине пока не произошло. Образовалась геополитическая «серая зона». Экономическая система современного мира в основном управляется глобалистскими силами Запада. В мировой информационной среде Запад также пока доминирует. Многие из стран, отказавшихся присоединиться к санкциям, вынуждены на практике учитывать санкционные ограничения, наложенные США и их союзниками, чтобы избежать вторичных санкций уже против своих стран. Тем не менее появление большой группы новых нейтральных государств (исторические европейские нейтралы в ходе конфликта на Украине тут же отказались от своего нейтралитета и примкнули к США) – важный фактор мирового развития, свидетельствующий о сужении сферы влияния коллективного Запада. СВО только усилила тенденции, которые уже некоторое время развивались в недрах международных отношений. Она стала поворотной точкой и катализатором этих тенденций, фактически привела к появлению феномена Мирового большинства, стремящегося к достижению политической самостоятельности или, по крайней мере, к военно-политической автономии по отношению к США и их союзникам. А главное, в своей большей части – к решению проблем собственного развития на основе преодоления неокOLONиальной зависимости от бывших метрополий.

Мировое большинство становится важнейшим ресурсом российской внешней политики. Существование неподконтрольного или

не полностью подконтрольного Большинства делает невозможным изоляцию России в мире, существенно ограничивает действенность антироссийских санкций. Сама Россия – активный член этого большинства, его важнейший геополитический и военный ресурс. Она в наиболее яркой и открытой форме демонстрирует приверженность суверенитету, экономической самодостаточности, интеллектуальной независимости, духовно-культурной самобытности, а также способность постоять за себя и оказать помощь другим.

В плане культурно-цивилизационной совместимости, вытекающей из самой природы и пути своего исторического развития, российской идентичности Российское государство прямо противостоит западному мироощущению и политической культуре западных элит, привыкших действовать методами принуждения и насилия, диктата и контроля.

Концепция Мирового большинства – это не антизападная, по сути, идея, а идея освобождения всего мира, включая страны Европы, Японию и другие, от гегемонии Соединенных Штатов Америки, которая преследует цель унификации всего человечества на основе одной глобалистской модели и которая в наибольшей мере существует за счет ренты, обеспечиваемой ее глобальным доминированием (союзнники, как показывают последние события, страдают от непредсказуемости американской политики не меньше, а то и больше. Вашингтон «заказывает музыку», а платить приходится им). Это – антиутопия, но стремление ее реализовать на практике – вот источник военной угрозы в мире и его дестабилизации.

Новый миропорядок – не очередное издание «концерта держав», а полицентричная модель, в которой конструктивное взаимодействие суверенных государств и цивилизационных платформ исключает гегемонию одного государства или группы государств.

Основными функциональными направлениями российской стратегии в отношении Мирового большинства являются: ускоренное развитие восточных регионов самой России – Сибири и Дальнего Востока, непосредственно соприкасающихся со странами Азии; развитие торгово-экономических связей с традиционными и новыми

партнерами; реализация совместных технологических проектов; развитие новых логистических коридоров для выхода на мировой рынок (дабы компенсировать блокировку логистики на западном направлении путем развития связей в меридиональном направлении, таких как коридор Север-Юг, связывающий Россию с Ираном, Индией, Пакистаном, странами Ближнего и Среднего Востока, а также морских путей вокруг Евразийского континента, включая Северный морской путь); формулирование российского видения реформы ООН, которое предусматривало бы, в частности, включение в состав Совета Безопасности в качестве постоянных членов Индии, Бразилии, представителей арабо-исламского мира и Африки, а также введение ротируемого полупостоянного членства для 12 региональных держав (что отражало бы цивилизационное строение мира) с общим числом членов СБ в пределах 23 (для сохранения компактности Совета решения требует проблема перепредставленности западной цивилизации, ее англосаксонского сегмента и Европы ЕС).

Речь также может идти о помощи странам-партнерам в укреплении национальной безопасности; формулировании и продвижении российских и совместных со странами-единомышленниками мировых повесток в таких областях, как содействие развивающимся государствам, цели устойчивого развития, глобальная продовольственная безопасность и многие другие; продвижении принципа демократизации информации (координация позиций стран Мирового большинства по регулированию Интернета и социальных сетей, борьба с цензурой крупнейших технологических компаний Запада, ликвидация цифрового неравенства); содействии укреплению региональной безопасности.

Активный выход на рынки образования стран Азии, Африки и Латинской Америки: увеличение числа зарубежных филиалов ведущих российских университетов; расширение подготовки в российских вузах специалистов для стран Мирового большинства; создание сетевых университетов.

Формирование и распространение мировой информационной повестки, разработка смыслов и нарративов для всемирной

аудитории, отстаивающих ценности и интересы России и стран Большинства.

Главным региональным приоритетом внешней политики становится ударное наращивание связей с незападным миром на двусторонней основе, а также в формате региональных и субрегиональных кластеров. Понятен особый упор на укрепление полусоюзнических отношений с Китаем, глубокого стратегического партнерства с Индией. Расширить сферу заинтересованности наших западных партнеров можно было бы за счет инициатив по их самоорганизации в совершенно прикладных сферах развития. Действуя таким образом, мы сохраняли бы гибкость, которую предполагает незавязанность на формальные структуры, что служило бы желанной альтернативой для всех, кто устал от жесткой дисциплины западных институтов с их присмотром и вмешательством во внутренние дела.

В любом случае в интересах России максимально диверсифицировать связи с другими странами Азии, включая страны АСЕАН. Китайское присутствие в Арктике не вызов, а в обозримой перспективе больше возможность, особенно если вовлекать туда другие заинтересованные западные страны. Серьезные перспективы также могут сложиться при правильном позиционировании наших отношений с Турцией. То же уже происходит у нас с Ираном.

Ближний Восток должен, естественно, оставаться одним из приоритетов российской политики в западном мире, и его место в системе внешнеполитических приоритетов должно в ближайшие годы повышаться. Регион является воплощением формирующейся полицентричной системы – с отсутствием одного гегемона и резко возросшей самостоятельностью ведущих региональных игроков.

В институциональном отношении приоритетом для России являются собственные организации стран Мирового большинства, в которых страны Запада не представлены. Прежде всего это развитие БРИКС по принципу открытой архитектуры как института мирового уровня для формулирования общемировой политической и экономической повестки дня и координации усилий ведущих стран Большинства по важнейшим вопросам, фактически создание

прообраза и «обкатка» универсальной организации нового типа. Расширение и повышение эффективности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На саммите ШОС в Самарканде внятно заявила о себе очередь на его расширение – в организацию вступил Иран, а Египет и Катар получили статус партнера по диалогу. Все это – за счет государств, уставших от силового давления Запада. Такая динамика заявляет о растущей многовекторности в политике незападных стран, говорит об их стремлении как минимум не складывать все яйца в одну корзину, что уже немало и что обязывает нас к наращиванию усилий на этой площадке. В экономике важнейшая задача ШОС – развитие внутренней связанности Большой Евразии, которая во многом остается пока слишком зависимой от морских путей сообщения. Наконец, появляется задача огромной важности – развитие культурных, научно-технических, гуманитарных обменов между народами континента, которые зачастую больше общаются с дальними партнерами, чем с непосредственными соседями.

Пришло время резко активизировать работу со всеми региональными организациями и объединениями, включая АТЭС, Африканский союз, региональные банки развития и др. Именно эти страны и организации могут стать ядром торговой и финансово-экономической архитектуры, альтернативной западной. Востребовано взаимодействие в рамках ОПЕК+ и со странами-экспортерами газа в интересах стран-экспортеров и других стран МБ и обеспечения на этой основе стабильности на энергетических рынках, как, впрочем, и повышение роли России в Организации исламского сотрудничества – крупнейшем форуме мусульманских государств. Не теряет своего значения более активное взаимодействие со странами Большинства в рамках универсальных форумов: Совета Безопасности ООН (прежде всего с Китаем – постоянным членом Совета) и Группы двадцати, половина членов которой представляет Мировое большинство.

В ценностном плане российская политика в отношении стран Мирового большинства ориентируется на содействие освобождению стран от неокOLONиальной зависимости (у России здесь есть уникальное преимущество как у державы, вообще не имевшей колоний); уважение социокультурной самобытности всех стран и народов

(сама Россия – пример мирного сожительства и сотрудничества многих этносов, культур и религий в рамках уникальной цивилизации), уважение суверенитета государств и их национальных интересов (Россия – всемирный поборник суверенитета и отстаивания национальных интересов; задача ее внешней политики – это поиск баланса интересов сторон), равенство государств, справедливость, солидарность и взаимопомощь, уважение традиций народов как базы внутреннего развития государств, взаимная выгода и открытость.

Российская политика отвергает любую идеологическую конфронтацию, в том числе искусственно педалируемую Западом по линии «демократия-авторитаризм», которую США и их союзники используют как инструмент доминирования, ценностного и идейного разоружения остальных государств. Равным образом Россия отвергает и концепцию порядка, основанного на установленных Западом «правилах», при помощи которых американцы и европейцы, покушающиеся на интересы других стран, пытаются подменить универсальные нормы международного права. Вместо этого Россия твердо привержена принципам суверенитета государств и миропорядка на основе универсальных норм и инструментов международного права, Вестфальских принципов межгосударственных отношений. Тот факт, что этого же подхода придерживаются и страны Мирового большинства, создает прочную платформу для совместных действий в пользу справедливого мироустройства, мирного сосуществования всех культур и цивилизаций. Пример последнего дает Восточная Азия, которая неслучайно является объектом дестабилизации со стороны США, пытающихся «растачить» АСЕАН в рамках усилий по подключению стран региона к политике сдерживания Китая. Европа являет собой прямо противоположный полюс мировой политики, что побуждает вспомнить вмешательство Запада в дела стран Восточной Азии в XIX в. (эта аналогия заставляет вспомнить и об англо-японском соглашении 1902 г., которое фактически стало элементом подготовки Русско-японской войны).

Поскольку возвращается мир великих цивилизаций, запущен процесс осознания нами себя как государства-цивилизации, требуются усилия по части концептуальных, да и практических основ внешней

политики, разработки не только страновых стратегий, но и стратегий взаимодействия с формирующимися цивилизационными центрами – восточноазиатским, индийским, исламо-арабским, латиноамериканским и другими в той мере, в какой они будут формироваться. Как и почти всегда в истории человечества, духовные ценности будут значить не меньше, чем экономическая или военная сила.

В нынешних кризисных, де-факто военных условиях, когда на кону наше выживание, необходима строгая иерархия наших внешнеполитических интересов с соответствующей дисциплиной ее соблюдения. Нашими партнерами должны быть, прежде всего, национальные государства и среди них приоритет должен отдаваться дружественным. Такой подход противостоял бы любым наднациональным структурам, например, Еврокомиссии, ВТО и др. Безусловный приоритет должен отдаваться Большой Евразии, включая постсоветское пространство, Арктику, Восточную и Южную Азию, затем следуют Ближний Восток, Африка и ЛАКБ, за ними – международное сотрудничество по противодействию глобальным вызовам и угрозам и, наконец, Запад с преимуществом для тех столиц, которые готовы к поддержанию с нами контактов и сотрудничества.

Вся наша внешнеэкономическая деятельность, включая торговлю, инвестиции и сотрудничество с дружественными государствами, должна быть ориентирована на последовательную интернационализацию рубля. При этом важно задействовать все свои ресурсы, а также мобилизовывать двухстороннее и многостороннее сотрудничество. Именно отсутствие сильного рубля было одним из источников слабости и политико-психологической уязвимости Советского Союза. Без валютной самостоятельности Россия никогда не будет обладать полноценным суверенитетом. Ориентиром должна стать маргинализация доллара и евро до валютных зон с освобождением ими пространства для рубля и других перспективных национальных валют. Здесь все варианты должны быть задействованы, включая бартер и клиринг. Именно это поле становится главным и определяющим в нынешней геополитической революции.

Необходимо качественно более активное содействие культурным связям с незападными странами и особенно азиатским миром, обладающим зачастую первоклассной литературой, кинематографом, привлекательной и не противоречащей нашим базовым ценностям продукцией массовой культуры.

Возможности на западном направлении у России в обозримом будущем будут жестко ограниченными, но они сохраняются. В частности, ресурсный потенциал России – энергетика, зерно, минеральные удобрения, металлы и другие товары – дает возможность для принятия чувствительных ответных, а возможно, и инициативных мер против действий Запада в случае дальнейшей эскалации с его стороны, а также для поощрения прагматичной политики со стороны отдельных государств.

Несмотря на обрыв контактов с правительствами недружественных государств (за исключением части каналов экстренной связи для предотвращения вооруженных столкновений или купирования эскалации ядерных инцидентов), у России сохраняется ограниченная возможность взаимодействия с различными политическими и общественными силами, деловыми и научными кругами этих стран – особенно теми, кто мыслит альтернативно господствующему пока либерально-глобалистскому мейнстриму. При весьма вероятном изменении политической конъюнктуры в тех или иных государствах значение таких связей может повыситься.

Наступившая эпоха международных отношений – эпоха серьезнейших и опаснейших рисков. Борьба с Западом, которую ведет Россия, имеет для Запада стратегический, а для нашей страны экзистенциальный характер. Эти риски серьезны и обязательно должны приниматься во внимание, но у России при преодолении прошлой частичной нерешительности, готовности играть по созданным другими правилам и следовать привнесенным извне теориям есть достаточно ресурсов и возможностей для того, чтобы добиться поставленных целей. Так уже было и в 1930-е гг., и в два послевоенных десятилетия.

Естественно, где возможно, нужно вести диалоги с потенциальными партнерами в западных странах. Процесс нормализации начнется с постепенного восстановления двусторонних контактов с отдельными западными и восточноевропейскими странами, причем исключительно на транзакционной основе. Запад склеен исторически из нескольких компонентов, и эти составные части коллективного Запада вполне могут «вернуться» в свои регионы, когда того потребуют национальные интересы и когда износится объединяющее их геополитическое начало. Это вполне могло бы быть одним из ориентиров нашей политики на западном направлении.

Со временем будет возможна двусторонняя нормализация с США на основе признания равенства «сильных суверенных государств» (В.В. Путин на ПМЭФ 2022 года) – формула, совпадающая с видением мира в Стратегии национальной безопасности Трампа (декабрь 2017 года).

В военно-политических отношениях с США и Западом в целом придется исходить из длительного периода высокой военной опасности. В первую очередь, исходя из внутренней динамики развития западных обществ и элит – они все больше заходят в тупик. Его пытались прикрыть ковидом, теперь взрывом русофобии. Но проблемы остаются и даже стремительно обостряются.

Украинский кризис уже не внешнеполитический вопрос в чистом виде, но ключевая проблема стратегии национального выживания, раз нам брошен вызов не только на уровне безопасности, но и идентичности и истории. Это вопрос отложенной во времени гражданской войны, который требует решительного и необратимого исхода нашей СВО. Нужны будут эффективные материальные гарантии выполнения возможных двусторонних и многосторонних обязательств в связи с будущим статусом Украины, ее военно-политической нейтрализацией, демилитаризацией и денацификацией в новых международно-признанных границах. Это – комплексный кризис, и он требует комплексного и внятного решения, а не замораживания.

Украина – это лишь часть нашей проблемы с Западом, не в ней дело, а в том, что киевский режим вызвался стать орудием

антироссийской политики Запада и сделать способом существования страны ее «прифронтовой» статус, то есть снимать геополитическую ренту с перманентной напряженности между Западом и Россией. В принципе эту роль объективно и при поощрении Лондона, Парижа и Вашингтона играла нацистская Германия, у которой, правда, были свои планы в отношении остальной Европы. Но суть от этого не менялась – иначе не было бы никакой политики умиротворения, включая Мюнхенский стовор, и Странной войны. Кроме того, Киев вписывается в более широкий фронт, выстраиваемый на нашей западной границе: Варшава заявляет о нанесении поражения России, причем «на поле боя», как смысле своего национального существования, который должен разделить весь Евросоюз, где этого не отрицают. Соответственно, все должно кончиться там, где начиналось, а именно на вопросе об обеспечении безопасности России на западном направлении в контексте расширения НАТО и движения военной инфраструктуры альянса в направлении России, в то время как Россия не осуществляла никакого стратегического движения в сторону западного блока (немаловажный аспект ситуации состоит в том, что в контексте стратегических взаимоотношений между Россией и США европейские члены НАТО являются стратегическим плацдармом Вашингтона в непосредственной близости у наших границ, да еще в условиях разрушения американской стороной всей архитектуры контроля над вооружениями, включая ДРСМД, ДОВСЕ и Договор по открытому небу). Об этом шла речь в проектах документов, представленных Вашингтону и НАТО 15 декабря 2021 года. Их базовые положения были сходу отвергнуты Западом, и только после этого Россия начала СВО, будучи вынуждена решать проблему угрозы своей безопасности в одностороннем порядке. К сожалению, не сработал и механизм ООН, заточенный на принуждение постоянных членов Совета Безопасности договариваться между собой: США уже давно вывели проблематику своих стратегических интересов за рамки ООН. На Западе заявляют, что России с ее ядерным потенциалом сдерживания нечего беспокоиться за свою безопасность: не равнозначно ли это призыву применять ядерное оружие, если сдерживание не срабатывает, как это имеет место сейчас?

В этой связи Россию не могут устроить продвигаемые в американском экспертном сообществе идеи навязывания Москве переговорного урегулирования на своих условиях: прекращение огня по корейскому варианту с непризнанием новых границ России и, соответственно, дискриминацией российских граждан, проживающих в новых регионах страны; Украина остаётся вне НАТО, но сохраняется нынешний режим и безопасность обеспечивается на основе все той же милитаризации с непосредственным участием западного альянса; санкционный режим сохраняется с некоторыми послаблениями, отвечающими интересам Запада. То есть проблема нашей безопасности сохраняется практически в неизменном формате с простой констатацией того факта, что западный блицкриг провалился. Значит, до следующего раза? И ничего о радикальной реформе порочной в своей натоцентричности европейской архитектуры безопасности. Поскольку Киев не отказывается от территориального реванша, Киссинджер считает, что лучше принять Украину в НАТО – тогда она не сможет-де самостоятельно принимать решение о способах восстановления своей территориальной целостности. Что звучит как издевательство, если учесть, что все свои решения Киев и так принимал и принимает при непосредственном участии западных столиц, а без западной политики сдерживания России не произошло бы и переформатирование Украины в анти-Россию. Если брать аналогии из истории, то западные условия урегулирования означали бы, например, мир с нацистской Германией после провала ее блицкрига летом-осенью 1941 года, чтобы она могла лучше подготовиться к войне с СССР. Или мир с Наполеоном, пусть даже без формального договора, после его изгнания из России: угроза всей Европе, включая Англию (тогда в Лондоне это хорошо понимали!), тогда бы сохранялась, и только по настоянию Санкт-Петербурга при поддержке Лондона была создана новая антинаполеоновская коалиция, которая нанесла поражение Франции, отказавшейся, по выражению Талейрана, от «личных завоеваний» императора всех французов.

В западных столицах должны будут понять, какой абсурд они предлагают. Если они не готовы к прямому конфликту с Россией, то

и нечего было затевать всю эту авантюру с Украинским кризисом. И если Россию призывают признать за свое «поражение Советского Союза в холодной войне», которую Россия не вела, и (в отсутствие каких бы то ни было мирных конференций и мирных договоров по ее итогам) смириться со статусом побеждённой державы, как это продолжает делать оккупированная Германия, то, наверное, было бы логичным Западу признать за свое грядущее поражение Украины (ведь делались же верно отражавшие реальность заявления о том, что если Киев потерпит поражение, то это будет «поражение от имени НАТО»!) и сделать соответствующие выводы для своих отношений с Россией.

В Москве только не возражали бы против проведения европейской мирной конференции, которая так и не состоялась после 1989 года. Будь она проведена в своё время, не было бы никакого Украинского кризиса и связанных с ним жертв и разрушений, а также экономических тягот западных стран и их политической дестабилизации, вызванной санкционным бумерангом. История доказывает, что прочный мир в Европе может быть обеспечен только на основе полноценного, с участием всех игроков и справедливого урегулирования. Этого не было ни после Первой мировой войны, ни после Второй (до сих пор нет мирного договора с Германией, что вряд ли отвечает интересам немцев, и Германский вопрос сохраняется в европейской повестке дня), что привело к холодной войне и нынешней ситуации. В отсутствие такого урегулирования Москве придется продолжать решать проблему своей безопасности в одностороннем порядке. Минимальные требования с российской стороны означали бы окончательное урегулирование (а не прекращение огня или перемирие), включая военно-политическую нейтрализацию Украины, ее полную демилитаризацию и федерализацию, смену нацистского режима (ведь Зеленский, как и Гитлер, на выборах обещал мир в Донбассе), признание новых границ, и наконец, кто-то должен отвечать перед своим народом и Европой за все совершенные этим режимом преступления, включая преступные методы ее ведения и вынашивавшиеся планы агрессии против России.

России также должна быть предоставлена – возможно, в мягком варианте Ништадтского договора 1721 года со Швецией – роль в поддержании на Украине надлежащего конституционного порядка как составляющего важнейшую гарантию нашей безопасности. Тем более, что доверие между Россией и Западом находится на нуле после семилетнего опыта Минских соглашений, одобренных СБ ООН, и нынешней косвенной агрессии против России. На его восстановление уйдут годы и смена поколений западных элит, «сжегших все мосты» в дипломатическом диалоге с Москвой. Побуждать к односторонним гарантиям будет и то обстоятельство, что, по свидетельству С. Хёрша, антироссийская политика администрации Байдена педалируется «личной ненавистью к Кремлю» таких деятелей, как советник президента по национальной безопасности Дж. Салливан и зам. Госсекретаря В. Нуланд. О каких гарантиях можно говорить, если внешняя политика сверхдержавы становится полем личной дипломатии и продвижения личных амбиций? Что до российской стороны, то растущее число западных политологов, в том числе американских, пытаются довести до сознания западных элит, что те имеют дело не с Кремлем, а с исторической Россией, какой она была и каковой она всегда будет. Просто с этим надо смириться, как мы миримся с цивилизационной отличностью от нас Запада, расставаясь с иллюзиями на его счёт, как мирились друг с другом католические и протестантские государи после Вестфалия. На то и существует классическая дипломатия, все каноны которой Запад решил отбросить, и в этом он противостоит не только России, но и всему Мировому большинству, для многих стран которого, особенно травмированных колониальным прошлым, наряду с Уставом ООН и всем сводом международного права она представляет единственную гарантию их суверенитета и независимости.

Ситуацию в Украинском кризисе, где Вашингтон увяз и оказался перед перспективой «войны на два фронта», которую стремился избежать, хорошо характеризуют слова Уолтера Липмана в связи с войной во Вьетнаме: «Корень его (президента Джонсона) проблем в его гордости, упрямом отказе признать пределы своих и своей страны возможностей. Такая гордость предвещает разрушение,

а дух высокомерия – собственное падение»⁵⁴. Остаётся добавить, что Байден не оправдывает доверия элит, где сложился консенсус о необходимости противостоять именно Китаю как главному вызову американскому доминированию. Увязание на Украине срывает эту стратегию, как, впрочем, и другую – по сдерживанию Ирана. Надо полагать, отсюда стремление Вашингтона «перевернуть страницу» на Украине за российский счёт и, возможно, разоблачения Хёрша.

Вероятно, стоит на перспективу поставить задачу создания – после решения Украинского вопроса – системы безопасности и сотрудничества на основе ШОС с привлечением таких стран, как Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция и ряда других. То есть погрузить проблематику евробезопасности в более широкий, евразийский контекст. Воссоздание в том или ином виде системы евробезопасности по модели «от Лиссабона до Владивостока» мало реализуемо и контрпродуктивно – нельзя дважды войти в один и тот же поток. Долгосрочная цель – уход США из Европы, являющейся западной оконечностью Евразии, где они слишком задержались. Украинский кризис обнаружил непомерную цену американского присутствия в делах Европы.

⁵⁴ The Icarus Syndrome, p. 170.

VI РОССИЯ И МИР

В сочетании с культурно-цивилизационным самоопределением страны, причем без всяких претензий на исключительность – в качестве «одного из суверенных центров мирового развития», Концепция затрагивает тему исторической миссии России, формулируя ее в самом принципиальном и прикладном плане как «исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня».

Упоминание истории вовсе не случайно, в ней мы играли по-настоящему уникальную роль в европейской и мировой политике. И она была сплошь и рядом конструктивной и незаменимой, и не будет большим преувеличением сказать, что этим вкладом в мир и безопасность континента мы отдавали Европе долг за то, что получили от нее позитивного на различных этапах своего развития. Скажем так: Европа инвестировала в Россию и получила за это сполна. Так было с освобождением Европы от тирании Наполеона, когда многие в России считали, что было достаточно изгнать его за Неман, а там пусть другие европейские державы сами разбираются с ним без нашего участия. Это было бы близоруко и не практично, поскольку мы обрекли бы себя на постоянное ожидание очередного вторжения «двунадесяти языков» (как, кстати, после лета 2004 года мы постоянно готовились к отражению нападения Грузии на Южную Осетию, которое и случилось в августе 2008 года).

Любая империя на Западе, начиная с Римской, кончает внешней экспансией, поскольку «не заинтересована действовать в рамках международной системы – она сама стремится быть такой системой» (так об этом писал Киссинджер). Под это вполне подпадает нынешняя американская гегемония, впитавшая в себя все колониальные империи западных стран и действующая неоколониальными методами от имени всего исторического Запада. Киссинджер в своей

«Дипломатии» также писал о том, что объединённая Германия стремилась к абсолютной безопасности, которая возможна только за счет отсутствия безопасности у всех остальных. То же мы видим и на примере США в наши дни в формуле «безопасность в центре невозможна без безопасности на периферии», которая лежит в основе американского интервенционизма, включая военное и иное присутствие американцев в Европе (а периферия – это весь мир). Но ведь безопасность можно обеспечивать на основе достижения договоренностей с другими странами – метод, который преобладал в международных отношениях даже в годы холодной войны.

В Первой мировой вся Европа оказалась бы под немецким сапогом еще в 1914 году, если бы российская армия не открыла военных действий в Восточной Пруссии в августе, не дожидаясь завершения мобилизации и ценой гибели двух корпусов армии Самсонова (знаменитые «августовские пушки» Барбары Такман, которые сорвали германский план Шлиффена). То есть германский блицкриг на Западе случился бы не в 1940 году, а уже тогда. О победе над Гитлером говорить не приходится: об этом немало говорили лидеры союзников во время войны и сразу после (тему «закрывает» Фултонская речь У.Черчилля), другое дело, что теперь их потомки пытаются замолчать эту тему в рамках фальсификации истории под оправдание своей антироссийской политики. Приведу только слова Черчилля, который, узнав о нападении Гитлера на СССР, заявил: «Теперь мы спасены!»

Историческое подтверждение уникальности нашей миссии дают упоминавшиеся Пробуждение Азии и деколонизация. И это в то время, когда Черчилль сразу после войны – при всей его роли в противостоянии англичан Гитлеру, – будучи убежденным империалистом, высказывался в том духе, что кто-де нас избавит от этого беспокойного Махатмы Ганди. Бжезинский неслучайно писал о «политическом пробуждении» в мире, явно имея в виду исчерпанность неокOLONИализма, и о необходимости того, что в философии называется расширением, то есть о международной роли, которая выходила бы за узкие рамки своекорыстных интересов не столько самой Америки, сколько ее правящих элит. Ведь если подумать, что рядовые американцы получили от глобализации? Стагнацию

потребительского спроса, потерю рабочих мест, разрушение среднего класса, о необходимости возрождения которого в рамках новой революции теперь говорит Роберт Кеннеди-младший, поляризацию настроений в стране и инфляцию, если брать следствия украинской авантюры демократов. Поэтому роль России заявляет о себе не только в межгосударственных отношениях, а значительно шире, если, к примеру, взять защиту традиционных ценностей, прежде всего семейных и даже такого гражданского права, как родительские права, на которые покушается политика пропаганды и поощрения трансгендерства в США при демократах.

Получается, что на волне глобализации американские, да и европейские элиты настолько стали космополитичны, что утратили способность не только учитывать интересы консервативного большинства населения собственных стран, но и говорить с согражданами на одном языке. Ему на смену пришел оруэлловский «новояз», который в ходу и в международной политологии, где уже не одно десятилетие с помощью разного рода эвфемизмов он прикрывает тезисы о безальтернативности и вечности «американского лидерства», о тождественности американских интересов интересам других стран и мирового сообщества в целом.

Российская дипломатия последовательно выступает за формирование подлинно объединительной позитивной повестки дня, будь то в регионах или в глобальной политике. Это касается практически всех значимых вопросов – от борьбы с терроризмом до изменения климата и борьбы с пандемиями. Тут у Концепции абсолютная преемственность. Разница лишь в том, что теперь мы не связаны дипломатическим политесом в отношении Запада и можем называть вещи своими именами. Мы можем говорить о том, что во многих международных вопросах политика Запада, продвигающего свои интересы, расходится с интересами подавляющего большинства стран, прежде всего развивающихся. В итоге вследствие необходимости широкого согласия или даже консенсуса многие международные площадки, включая ООН, где Запад осуществляет фактический контроль над аппаратом и действует методами выкручивания рук тем или иным странам, которые, скажем, «сидят» в контролируемых Западом

валютно-финансовых институтах и институтах развития и потому уязвимы для давления, потеряли свою эффективность.

Выступая в Нью-Йорке 24 апреля в рамках российского председательства в Совете Безопасности, С.В. Лавров сказал: «Сегодня всем понятно, хотя не все об этом говорят вслух: речь совсем не об Украине, а о том, как будут дальше выстраиваться международные отношения: через формирование устойчивого консенсуса на основе баланса интересов – либо через агрессивное и взрывоопасное продвижение гегемонии... Многосторонность предполагает уважение Устава ООН во всей взаимосвязанности его принципов... Угрозой для многосторонней системы стали беззастенчивые попытки западных государств подчинить себе секретариаты ООН и других международных организаций».

Запад подрывает сами основы многосторонней системы. Как минимум западные представители все сводят к наименьшему общему знаменателю, который не покушается на их интересы и практически ничего не дает в плане решения общих для всего мирового сообщества задач. Яркий тому пример – Ближневосточный квартет в составе США, России, Евросоюза и ООН (кто о нем сейчас помнит!), где проходило только то, что устраивало Вашингтон, а все остальное блокировалось, при том что все остальные участники де-факто легитимизировали такой подход. Итог печален – арабо-израильское урегулирование так и не сдвинулось с мертвой точки. А это лишь один из вопросов глобальной повестки дня, которую надо формировать с нуля, отталкиваясь от интересов большинства стран. Здесь Россия с ее огромным дипломатическим опытом, доверием со стороны этого Большинства, в том числе укорененным в истории наших отношений, могла бы играть инициативную роль. Нет сомнений в том, что выход из нынешнего кризиса в отношениях между Западом и Россией, имеющего глобальное измерение, вряд ли будет возможен без новой повестки дня глобальной политики и мирового развития. Это, в свою очередь, послужит обновлению ООН одновременно с реформой ее Совета Безопасности. Ведь только подумать, бывшие побежденные державы (ФРГ и Япония) претендуют на места постоянных членов Совета, когда в нем перепредставлены Запад,

Европа ЕС и англосаксы и недопредставлены или не представлены вообще Азия, Африка, арабо-исламский мир и Латинская Америка!

Россия, будучи сама частью незападного мира, росту самосознания которого способствовала политика Запада, могла бы оказывать содействие самоорганизации стран МБ в различных сферах и по различным вопросам, их совместной работе на равноправной основе, без вмешательства и давления извне. Такой опыт будет иметь трансформационное значение для всех глобальных форумов и площадок. Вряд ли прежней останется и деятельность ООН, которая, наконец, будет функционировать так, как это задумывали ее основатели, включая президента Ф.Д. Рузвельта.

России в сотрудничестве с партнерами по региону, прежде всего в рамках ШОС, предстоит похоронить прежнюю геополитику западного происхождения, все эти хартленды и римленды. Создание на подлинно инклюзивной основе, с местом для Европы, составляющей западную оконечность нашего континента, Большого евразийского партнёрства, охватывающего этот макиндеровский Хартленд, поставит точку в геополитической возне, вовсе не безобидной, вокруг будущего наших стран и контроля над этой территорией и ее ресурсами.

России тем естественнее участвовать в коллективном лидерстве на глобальном и региональном уровнях, что мы всегда за это выступали в контактах с нашими западными партнерами. Это воспринималось как напрашивание в «семерку», которая со временем была преобразована в «восьмерку», просуществовавшую до февраля 2014 года. Опыт этот был сплошным разочарованием для обеих сторон, так как все обсуждения сводились к попыткам уговорить российскую сторону поддержать коллективные решения, уже согласованные западными участниками без нас. Было понятно, что работать на такой основе долго не получится. Было понятно и ряду западных лидеров, что единоличное лидерство Запада – реликт прошлого, так как поиск эффективных ответов на общие вызовы и угрозы, которые носят трансграничный характер, невозможен без участия как ведущих западных стран, прежде всего Китая, Индии и Бразилии, так

и целого ряда других стран, которые в силу своей географии и других факторов могут играть подчас незаменимую роль. Просто их надо выслушать и вообще принимать всерьез, а не диктовать им, как это имело место в реальности. Думаю, что и работа саммитов Группы двадцати вызывает аналогичные вопросы, тем более сейчас, когда произошло фактическое размежевание между ее западными и западными членами. Но и опыт первых лет после Глобального кризиса 2008 года показал, что западным элитам трудно было преодолевать инерцию своей сложившейся политики: как только они убедились, что могут решать свои проблемы посредством «количественного смягчения», а любые экономические потрясения все равно заставляют инвесторов «уходить в доллар», то и серьезная работа по торгово-экономической и валютно-финансовой проблематике по существу прекратилась. Вместо этого Запад пошёл по пути политизации работы Группы двадцати, что вовсе не предусматривалось изначально. Здесь, как и на других форумах, бал правил наименьший общий знаменатель, определявшийся либо единолично Вашингтоном, либо коллективным Западом, причем независимо от последствий для всего остального мира.

Подобные методы работы уже давно исчерпали себя, и можно только поблагодарить западные столицы за то, что своей политикой они форсировали переоценку ситуации всеми остальными членами мирового сообщества.

Очевидно, что реализация нашей миссии в мировых делах не будет беспроблемным процессом: будут оказывать давление на наших партнеров, вставляя палки в колеса, осуществлять провокации, призванные подорвать доверие к Москве, сделать ее изгоем, в том числе посредством наклеивания ярлыков (объявление «государством-спонсором терроризма» и пр.). Это не проходило до сих пор и, надо полагать, не пройдёт и дальше.

При этом ключевое значение будет иметь культурно-цивилизационный фактор: уважение партнеров, умение их слушать и учитывать их интересы, должные такт и внимание в совместной работе, взаимопомощь. На этих принципах строится работа БРИКС, ШОС,

ЕАЭС, ОДКБ, АСЕАН и других современных форумов без западного участия. За ними будущее.

Исключительно важную роль призвано играть активное и наступательное идейное позиционирование России как оплота фундаментальных ценностей, прежде всего семейных, и традиционного консерватизма. Постулаты Русской идеи должны носить инклюзивный характер по отношению к многонациональному обществу нашей страны. Важно создавать механизмы их постоянного «растворения» в конкурентоспособных культурных продуктах, включая сетевые. Мы должны выйти на мировой рынок идей со своим уникальным цивилизационным продуктом. Важно активно позиционировать Россию не только как страну (тогда СССР), внесшую важный вклад в борьбу с колониализмом, но и сейчас ставящей одной из целей своей политики преодоление неоколониализма, институтов и режимов, дававших Западу возможность продолжать присваивать несправедливую долю мирового ВВП.

Уход Запада от единоличного контроля за глобальным управлением будет чреват конфронтационными выбросами. К этому надо быть готовыми. Другая опасность из области биополитики, к которой питают склонность западные элиты, опять же в силу своей политической философии и культуры. Это проявилось и в протестантском фанатизме, и в практике колониализма, и в форме фашизма/нацизма. Так, существует угроза, что с закатом доллара будет инициирован отказ от денег вообще. Речь может идти о цифровой валюте, если она в сочетании с введением всеобщего прожиточного минимума будет означать некий «цифровой концлагерь», имея в виду то, что цифровые «кошельки» будут носить персональный характер, иметь ограничения по использованию по времени и географии. Звучит как антиутопия: речь ни много ни мало об ограничении свободы передвижения и не только, фактически об исключении непривилегированных слоев населения из обычной жизни и их превращении в минимальных потребителей. Но при координирующей роли базельского Банка международных расчетов в ЦБ целого ряда стран изучается проблематика введения цифровой валюты. Пока не ясно, на что они выйдут. Стимулом для западных стран может

служить врожденная озабоченность части их элит ростом народонаселения, проблема, которая на волне глобализации обострилась и на Западе. Неомальтузианство, евгеника и теперь трансгендерство идут в этом русле.

В свое время в связи с очередной годовщиной Фридриха Ницше Ф. Фукуяма писал, что западные элиты так и не преодолели «отрицания равенства человеческого достоинства». Так что все это серьезно. И кому как не России встать на пути подобных экспериментов над человечеством. Не в этом ли на Западе усматривают нашу чуждость, нашу опасность, когда они сами приближаются к опасной черте, как о том говорит, в частности, антикапитализм западной молодежи, связанный с неспособностью элит решить проблемы сохранения планеты для будущих поколений?

Поле для нашего лидерства может быть поистине широким, пересекающим привычные границы между социализмом и капитализмом, Западом и Востоком. Всемирность и всечеловечность порукой тому, что наша миссия в этом мире будет востребована как никогда прежде и будет реализована. Даже если вернуться к различиям между Толстым и Достоевским, как их трактовал Шпенглер (сам он порвал с Фондом Ницше, когда нацисты пришли к власти), Толстой, так и ни разу не общавшийся с Достоевским, писал Н. Страхову: «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек»⁵⁵. Добавлю, что в Ясной поляне бросаются в глаза открытые на каком-то месте «Братья Карамазовы».

Не все безнадежно на «западном фронте». Достаточно мыслящих людей, критически относящихся к политике своих элит вообще и их внешней политике в частности. Наиболее выдающимся из них, наверное, был Джордж Кеннан, который, как свидетельствует П. Бейнарт, писал перед смертью накануне войны в Ираке своему племяннику: «То, что делается с нашей страной сегодня, безусловно, есть нечто, от чего мы никогда не сможем восстановить ее такой, как

⁵⁵ цит. по Басинский П.В., Лев Толстой – свободный человек. – М.: Молодая гвардия, 2016, стр. 197.

ты и я ее знали». Как и многие из его поколения, пишет Бейнарт, он умер «в политическом отчаянии»⁵⁶. Таким образом, мы не так далеки от многих на Западе и, значит, не ошибаемся в своей миссии. Что-то очень серьезно не так на той стороне. Как считал американский христианский философ Р. Нибур, «антикоммунизм в сочетании с полной убежденностью в собственной правоте может быть столь же мессианским (и утопичным), сколь и коммунизм»⁵⁷. Получается, что круг протестантского фанатизма с его уверенностью в собственной избранности замкнулся спустя 400 лет после высадки на восточном побережье Америки пилигримов «Мэйфлауэр»? И это, как представляется, в числе прочего определяет масштаб и характер стоящих перед российской дипломатией задач.

⁵⁶ The Icarus Syndrome, p. 377.

⁵⁷ Ibid., p. 294.

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

I ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Настоящая Концепция является документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики Российской Федерации.
2. Правовую основу настоящей Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере внешней политики.
3. В настоящей Концепции конкретизируются отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, учтены основные положения иных документов стратегического планирования, затрагивающих сферу международных отношений.
4. Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют

особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира.

5. Место России в мире определяется наличием у нее значительных ресурсов во всех сферах жизнедеятельности, ее статусом постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН), участника ведущих межгосударственных организаций и объединений, одной из двух крупнейших ядерных держав, государства – правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР. Россия с учетом ее решающего вклада в победу во Второй мировой войне, а также деятельной роли в создании современной системы международных отношений и ликвидации мировой системы колониализма выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня.

6. Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях. Внешняя политика России носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права и стремлении к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов. Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации.

II СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

7. Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров. Структурная перестройка мировой экономики, ее перевод на новую технологическую основу (в том числе внедрение технологий искусственного интеллекта, новейших информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий и нанотехнологий), рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие и другие объективные факторы ускоряют процессы перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния, способствуют демократизации международных отношений.
8. Происходящие, в целом благоприятные, изменения вызывают, тем не менее, неприятие у ряда государств, привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неоколониализма. Они отказываются признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства. Предпринимаются попытки сдержать естественный ход истории, устранить конкурентов в военно-политической и экономической сферах, подавить инакомыслие. Используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве. Распространенной

формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений.

9. Серьезное давление оказывается на ООН и другие многосторонние институты, предназначение которых в качестве площадок для согласования интересов ведущих держав искусственно обесценивается. Испытанию на прочность подвергается международно-правовая система: узкая группа государств стремится подменить ее концепцией миропорядка, основанного на правилах (навязывание правил, стандартов и норм, при выработке которых не было обеспечено равноправное участие всех заинтересованных государств). Осложняется выработка коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, такие как незаконная торговля оружием, распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, опасных патогенов и инфекционных заболеваний, использование информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, международный терроризм, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, транснациональная организованная преступность и коррупция, стихийные бедствия и техногенные аварии, нелегальная миграция, ухудшение состояния окружающей среды. Происходит деградация культуры диалога в международной сфере, снижается эффективность дипломатии как средства мирного урегулирования споров. Остро ощущается дефицит доверия и предсказуемости в международных делах.
10. Усиливается кризис экономической глобализации. Существующие проблемы, в том числе на рынке энергоресурсов и в финансовом секторе, вызваны деградацией многих прежних моделей и инструментов развития, безответственными макроэкономическими решениями (включая бесконтрольную эмиссию и накопление необеспеченных долгов), противоправными односторонними ограничительными мерами и недобросовестной конкуренцией. Злоупотребление отдельных государств своим доминирующим положением в некоторых сферах усиливает процессы фрагментации

мировой экономики и неравенство в развитии государств. Получают распространение новые национальные и трансграничные платежные системы, растет заинтересованность в новых международных резервных валютах, формируются предпосылки для диверсификации механизмов международного экономического сотрудничества.

11. Повышается роль фактора силы в международных отношениях, в ряде стратегически важных регионов расширяется конфликтное пространство. Дестабилизирующие наращивание и модернизация наступательных военных потенциалов, разрушение системы договоров в сфере контроля над вооружениями подрывают стратегическую стабильность. Использование военной силы в нарушение международного права, освоение космического и информационного пространства в качестве новых сфер военных действий, стирание грани между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, обострение в ряде регионов застарелых вооруженных конфликтов увеличивают угрозу всеобщей безопасности, усиливают риски столкновений между крупными государствами, в том числе с участием ядерных держав, повышают вероятность эскалации таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну.
12. Закономерным ответом на кризис мироустройства становится укрепление сотрудничества между государствами, подвергающимися внешнему давлению. Активизируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем. Предпринимаются также иные (в том числе односторонние) шаги, направленные на защиту жизненно важных национальных интересов. Высокий уровень взаимозависимости, глобальный охват и транснациональный характер вызовов и угроз ограничивают возможности обеспечения безопасности, стабильности и процветания отдельных государств, военно-политических и торгово-экономических союзов. Только объединение потенциалов и добросовестных усилий всего международного сообщества на основе баланса сил и интересов способно обеспечить эффективное решение многочисленных проблем

современности, мирное поступательное развитие больших и малых государств, человечества в целом.

13. Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности. Такой курс Запада приобрел всеобъемлющий характер и закреплен на доктринальном уровне. Это не было выбором Российской Федерации. Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга. На такой основе Российская Федерация готова к диалогу и сотрудничеству.
14. В ответ на недружественные действия Запада Россия намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами. Созидательную энергию Российская Федерация будет концентрировать на географических векторах своей внешней политики, которые имеют очевидные перспективы с точки зрения расширения взаимовыгодного международного сотрудничества. Большая часть человечества заинтересована в конструктивных отношениях с Россией и укреплении ее позиций на международной арене в качестве влиятельной мировой державы, вносящей решающий вклад в поддержание глобальной

безопасности и обеспечение мирного развития государств. Это открывает широкие возможности для успешной деятельности Российской Федерации на международной арене.

III
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ,
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15. С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире национальными интересами Российской Федерации во внешнеполитической сфере являются:
- 1) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от деструктивного иностранного воздействия;
 - 2) поддержание стратегической стабильности, укрепление международного мира и безопасности;
 - 3) укрепление правовых основ международных отношений;
 - 4) защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и защита российских организаций от иностранных противоправных посягательств;
 - 5) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия;
 - 6) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;
 - 7) содействие устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе;
 - 8) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации;
 - 9) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата.

16. Исходя из национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на достижение следующих стратегических целей:

- 1) обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности;
- 2) создание благоприятных внешних условий для развития России;
- 3) упрочение позиций Российской Федерации как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира.

17. Достижение стратегических целей внешней политики Российской Федерации осуществляется путем выполнения следующих основных задач:

- 1) формирование справедливого и устойчивого мироустройства;
- 2) поддержание международного мира и безопасности, стратегической стабильности, обеспечение мирного сосуществования и поступательного развития государств и народов;
- 3) содействие выработке эффективных комплексных ответов международного сообщества на общие вызовы и угрозы, включая региональные конфликты и кризисы;
- 4) развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с конструктивно настроенными иностранными государствами и их объединениями, обеспечение учета российских интересов с использованием механизмов многосторонней дипломатии;
- 5) противодействие антироссийской деятельности иностранных государств и их объединений, создание условий для прекращения такой деятельности;
- 6) формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие предотвращению возникновения и устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях;
- 7) оказание союзникам и партнерам России поддержки в продвижении общих интересов, обеспечении их безопасности

- и устойчивого развития независимо от получения союзниками и партнерами международного признания и их членства в международных организациях;
- 8) раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России;
 - 9) укрепление позиций России в мировой экономике, достижение национальных целей развития Российской Федерации, обеспечение экономической безопасности, реализация экономического потенциала государства;
 - 10) обеспечение интересов России в Мировом океане, космическом и воздушном пространстве;
 - 11) формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве;
 - 12) усиление значимости России в мировом гуманитарном пространстве, укрепление позиций русского языка в мире, содействие сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории;
 - 13) всесторонняя эффективная защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и организаций за рубежом;
 - 14) развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им всесторонней поддержки в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.
-

IV ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование справедливого и устойчивого мироустройства

18. Россия стремится к формированию такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность,

сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства. В целях соответствия указанным критериям система международных отношений должна быть многополярной и основываться на следующих принципах:

- 1) суверенное равенство государств, уважение их права выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства;
- 2) неприятие гегемонии в международных делах;
- 3) сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды;
- 4) невмешательство во внутренние дела;
- 5) верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов;
- 6) неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах;
- 7) многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказ всех государств от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок, опора на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир;
- 8) ответственное лидерство ведущих государств, направленное на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития как для себя, так и для других стран и народов;
- 9) главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности.

19. В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неокOLONиальных и гегемонистских амбиций;
- 2) совершенствованию международных механизмов обеспечения безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях;
- 3) восстановлению роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств – членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН;
- 4) укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России;
- 5) поддержке региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке;
- 6) повышению устойчивости и прогрессивному развитию международно-правовой системы;
- 7) обеспечению справедливого доступа всех государств к благам мировой экономики и международного разделения труда, а также к современным технологиям в интересах справедливого и равномерного развития (включая решение проблем глобальной энергетической и продовольственной безопасности);
- 8) активизации сотрудничества во всех сферах с союзниками и партнерами России, пресечению попыток недружественных государств воспрепятствовать такому сотрудничеству;

- 9) консолидации международных усилий, направленных на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов;
- 10) конструктивному диалогу, партнерству и взаимообогащению различных культур, религий и цивилизаций.

Верховенство права в международных отношениях

20. Обеспечение верховенства права в международных отношениях служит одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, является фактором снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития.
21. Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений, добросовестно выполняет свои международно-правовые обязательства. При этом решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.
22. Механизм формирования универсальных международно-правовых норм должен основываться на свободном волеизъявлении суверенных государств, а ООН должна оставаться главной площадкой для прогрессивного развития и кодификации международного права. Дальнейшее продвижение концепции миропорядка, основанного на правилах, чревато разрушением международно-правовой системы и другими опасными последствиями для человечества.
23. В целях повышения устойчивости международно-правовой системы, недопущения ее фрагментации и ослабления, предотвращения

избирательного применения общепризнанных принципов и норм международного права Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) противодействию попыткам подменять, подвергать ревизии и произвольному толкованию принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г.;
- 2) прогрессивному развитию, в том числе с учетом реалий многополярного мира, и кодификации международного права, прежде всего в рамках усилий, предпринимаемых под эгидой ООН, а также обеспечению участия в международных договорах ООН наибольшего количества государств, единообразному толкованию и применению таких договоров;
- 3) консолидации усилий государств, выступающих за восстановление всеобщего уважения к международному праву и укрепление его роли как основы международных отношений;
- 4) исключению из международных отношений практики принятия незаконных односторонних принудительных мер в нарушение Устава ООН;
- 5) совершенствованию механизма применения международных санкций, исходя из исключительной компетенции Совета Безопасности ООН в вопросе введения подобных мер и необходимости обеспечения их эффективности с точки зрения поддержания международного мира и безопасности, недопущения ухудшения гуманитарной ситуации;
- 6) активизации процесса международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации и границ морских пространств, в пределах которых Россия осуществляет суверенные права и юрисдикцию, исходя из необходимости безусловного обеспечения ее национальных интересов, важности укрепления отношений добрососедства, доверия и сотрудничества с сопредельными государствами.

Укрепление международного мира и безопасности

24. Российская Федерация исходит из неделимости международной безопасности (в глобальном и региональном аспектах) и стремится к ее обеспечению в равной мере для всех государств на основе принципа взаимности. На этой основе Россия открыта к совместным действиям по формированию обновленной, более устойчивой архитектуры международной безопасности со всеми заинтересованными государствами и межгосударственными объединениями. В целях поддержания и укрепления международного мира и безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) использованию мирных средств, прежде всего дипломатии, переговоров, консультаций, посредничества и добрых услуг, для разрешения международных споров и конфликтов, их урегулированию на основе взаимного уважения, компромиссов и баланса легитимных интересов;
- 2) налаживанию широкого взаимодействия в целях нейтрализации попыток любых государств и межгосударственных объединений добиваться глобального доминирования в военной сфере, проецировать свою силу за пределы своей зоны ответственности, присваивать себе преимущественную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, проводить разделительные линии и обеспечивать безопасность одних государств в ущерб легитимным интересам других стран. Такие попытки несовместимы с духом, целями и принципами Устава ООН и представляют для современного и будущих поколений угрозу региональных конфликтов и мировой войны;
- 3) наращиванию политико-дипломатических усилий, направленных на предотвращение применения военной силы в нарушение Устава ООН, прежде всего попыток обхода прерогатив Совета Безопасности ООН и нарушения условий использования неотъемлемого права на самооборону, гарантированного статьей 51 Устава ООН;
- 4) принятию политико-дипломатических мер по противодействию вмешательству во внутренние дела суверенных государств,

- в первую очередь направленному на осложнение внутривнутриполитической ситуации, неконституционную смену власти или нарушение территориальной целостности государств;
- 5) обеспечению стратегической стабильности, устранению предпосылок для развязывания глобальной войны, рисков применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, формированию обновленной архитектуры международной безопасности, предотвращению и урегулированию международных и внутренних вооруженных конфликтов, противодействию транснациональным вызовам и угрозам в отдельных сферах международной безопасности.
25. Российская Федерация исходит из того, что ее Вооруженные Силы могут использоваться в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и законодательством Российской Федерации. Россия рассматривает статью 51 Устава ООН в качестве адекватной и не подлежащей ревизии правовой основы для применения силы в порядке самообороны. Использование Вооруженных Сил Российской Федерации может быть направлено, в частности, на решение задач по отражению и предотвращению вооруженного нападения на Россию и (или) ее союзников, по урегулированию кризисов, по поддержанию (восстановлению) мира в соответствии с решением Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности с участием России в их зоне ответственности, по обеспечению защиты своих граждан, находящихся за рубежом, по борьбе с международным терроризмом и пиратством.
26. В случае совершения иностранными государствами или их объединениями недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, в том числе связанных с применением ограничительных мер (санкций) политического или экономического характера либо с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, Российская Федерация считает правомерным принять симметричные и асимметричные меры, необходимые для

пресечения таких недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем.

27. В целях обеспечения стратегической стабильности, устранения предпосылок для развязывания глобальной войны и рисков применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, формирования обновленной архитектуры международной безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) стратегическому сдерживанию, недопущению обострения межгосударственных отношений до уровня, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения;
- 2) укреплению и развитию системы международных договоров в сферах стратегической стабильности, контроля над вооружениями, предотвращения распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с их производством товаров и технологий (в том числе с учетом риска попадания компонентов такого оружия к негосударственным субъектам);
- 3) укреплению и развитию международных политических основ (договоренностей) поддержания стратегической стабильности, режимов контроля над вооружениями и нераспространения всех видов оружия массового уничтожения и средств его доставки при обязательном комплексном учете всех видов вооружений и факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность, в их взаимосвязи;
- 4) предотвращению гонки вооружений и исключению ее переноса в новые среды, созданию условий для дальнейшего поэтапного сокращения ядерных потенциалов с учетом всех факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность;
- 5) повышению предсказуемости в международных отношениях, осуществлению и при необходимости совершенствованию мер доверия в военной и международной сферах, предотвращению непреднамеренных вооруженных инцидентов;

- 6) выполнению гарантий безопасности в отношении государств – участников региональных договоров о зонах, свободных от ядерного оружия;
 - 7) контролю над обычными вооружениями, противодействию незаконному обороту стрелкового оружия и легких вооружений;
 - 8) укреплению технической и физической ядерной безопасности на глобальном уровне и предотвращению актов ядерного терроризма;
 - 9) развитию сотрудничества в сфере использования атомной энергии в мирных целях для удовлетворения потребностей всех заинтересованных государств в топливе и энергии с учетом права каждого государства самостоятельно определять свою национальную политику в этой сфере;
 - 10) укреплению роли многосторонних механизмов экспортного контроля в сферах обеспечения международной безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, противодействию превращению этих механизмов в инструмент односторонних ограничений, препятствующих осуществлению законного международного сотрудничества.
- 28.** В целях укрепления региональной безопасности, предотвращения локальных и региональных войн, урегулирования внутренних вооруженных конфликтов (в первую очередь на территориях сопредельных государств) Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) принятию политико-дипломатических мер по предотвращению возникновения угроз или снижению уровня угроз безопасности России со стороны сопредельных территорий и государств;
 - 2) оказанию союзникам и партнерам поддержки в обеспечении обороны и безопасности, нейтрализации попыток внешнего вмешательства в их внутренние дела;
 - 3) развитию военного, военно-политического и военно-технического сотрудничества с союзниками и партнерами;

- 4) содействию созданию и совершенствованию механизмов обеспечения региональной безопасности и урегулирования кризисов в важных для интересов России регионах;
- 5) повышению роли России в миротворческой деятельности (в том числе в рамках взаимодействия с ООН, региональными международными организациями и сторонами конфликтов), укреплению миротворческого и антикризисного потенциалов ООН и ОДКБ.

29. В целях предотвращения возникновения биологических угроз и обеспечения биологической безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) расследованию случаев предполагаемой разработки, размещения и применения биологического и токсинного оружия, прежде всего на территориях сопредельных государств;
- 2) предотвращению террористических актов и (или) диверсий, совершаемых с использованием опасных патогенов, и ликвидации последствий совершения таких актов и (или) диверсий;
- 3) расширению сотрудничества с союзниками и партнерами в сфере обеспечения биологической безопасности, прежде всего с государствами – членами ОДКБ и государствами – участниками СНГ.

30. В целях обеспечения международной информационной безопасности, противодействия угрозам в ее отношении, укрепления российского суверенитета в глобальном информационном пространстве Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) укреплению и совершенствованию международно-правового режима предотвращения и разрешения межгосударственных конфликтов и регулирования деятельности в глобальном информационном пространстве;
- 2) формированию и совершенствованию международно-правовых основ противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях;

- 3) обеспечению безопасного и стабильного функционирования и развития информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на основе равноправного участия государств в управлении данной сетью и недопущению установления иностранного контроля над ее национальными сегментами;
 - 4) принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие политике недружественных государств по милитаризации глобального информационного пространства, по использованию информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях, а также по ограничению доступа других государств к передовым информационно-коммуникационным технологиям и усилению их технологической зависимости.
31. В целях искоренения международного терроризма, защиты государства и российских граждан от террористических актов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) повышению эффективности и скоординированности многостороннего сотрудничества в сфере противодействия терроризму, в том числе в рамках ООН;
 - 2) укреплению определяющей роли государств и их компетентных органов в противодействии терроризму и экстремизму;
 - 3) принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие использованию государствами террористических и экстремистских (в том числе неонацистских) организаций в качестве инструмента внешней и внутренней политики;
 - 4) борьбе с распространением, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», идеологии терроризма и экстремизма (включая неонацизм и радикальный национализм);
 - 5) выявлению причастных к террористической деятельности граждан и организаций и блокированию каналов финансирования терроризма;

- 6) выявлению и устранению пробелов в международно-правовом регулировании, касающихся сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, в том числе с учетом рисков совершения террористических актов с использованием химических и биологических веществ;
- 7) укреплению многопланового взаимодействия с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказанию им практического содействия в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке.
- 32.** В целях борьбы с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств и психотропных веществ, представляющих серьезную угрозу для международной и национальной безопасности, здоровья граждан и духовно-нравственных основ российского общества, Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) расширению международного сотрудничества в интересах недопущения ослабления или пересмотра действующего глобального режима контроля над наркотиками (в том числе недопущения легализации их применения в немедицинских целях), а также противодействия иным инициативам, которые могут повлечь за собой увеличение незаконных оборота и потребления наркотиков;
 - 2) оказанию союзникам и партнерам практического содействия в осуществлении антинаркотической деятельности.
- 33.** В целях борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией, представляющими растущую угрозу для безопасности и устойчивого развития России, ее союзников и партнеров, Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание расширению международного сотрудничества в интересах ликвидации «безопасных гаваней» для преступников и укреплению профильных многосторонних механизмов, отвечающих национальным интересам России.
- 34.** В целях снижения на территории Российской Федерации рисков, связанных с возникновением за ее пределами стихийных бедствий

и техногенных аварий, повышения устойчивости к ним иностранных государств Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) укреплению организационно-правовых основ и совершенствованию механизмов двустороннего и многостороннего взаимодействия в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, наращиванию возможностей по раннему предупреждению и прогнозированию таких чрезвычайных ситуаций, ликвидации их последствий;
 - 2) оказанию иностранным государствам практического содействия в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе с использованием уникальных российских технологий и опыта чрезвычайного реагирования.
35. В целях противодействия нелегальной миграции и совершенствования регулирования международных миграционных процессов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание укреплению взаимодействия в этой сфере с государствами – участниками СНГ, проводящими конструктивную политику в отношении Российской Федерации.

Обеспечение интересов Российской Федерации в Мировом океане, космическом и воздушном пространстве

36. В целях изучения, освоения и использования Мирового океана в интересах обеспечения безопасности и развития России, противодействия односторонним ограничительным мерам недружественных государств и их объединений в отношении российской морской деятельности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) обеспечению гарантированного свободного, безопасного и полного доступа России к жизненно важным, важным и другим пространствам, транспортным коммуникациям и ресурсам Мирового океана;

- 2) ответственному и рациональному освоению биологических, минеральных, энергетических и других ресурсов Мирового океана, развитию морских трубопроводных систем, проведению научных исследований, защите и сохранению морской среды;
 - 3) закреплению в соответствии с международным правом внешних границ континентального шельфа Российской Федерации, защите ее суверенных прав на континентальном шельфе.
- 37.** В целях мирного исследования и использования космического пространства, закрепления на лидирующих позициях на рынке космических товаров, работ и услуг, упрочения статуса одной из ведущих космических держав Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) продвижению международного сотрудничества в интересах предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, прежде всего посредством разработки и заключения соответствующего международного договора, а в качестве промежуточной меры – посредством принятия всеми государствами обязательства по неразмещению первыми оружия в космосе;
 - 2) географической диверсификации международного сотрудничества в сфере космической деятельности.
- 38.** В целях использования международного воздушного пространства в интересах безопасности и развития России, противодействия односторонним ограничительным мерам недружественных государств и их объединений в отношении российских воздушных судов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) обеспечению гарантированного доступа России к международному (открытому) воздушному пространству с учетом принципа свободы полетов;
 - 2) географической диверсификации маршрутов международных полетов российских воздушных судов и развитию сотрудничества в сфере воздушного транспорта, охраны и использования воздушного пространства с государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России.

Международное экономическое сотрудничество и содействие международному развитию

39. В целях обеспечения экономической безопасности, экономического суверенитета, устойчивого экономического роста, структурного и технологического обновления, повышения международной конкурентоспособности национальной экономики, сохранения ведущих позиций России в мировой экономике, снижения рисков и использования возможностей в связи с глубокими изменениями в мировой экономике и международных отношениях, а также в связи с недружественными действиями иностранных государств и их объединений Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) адаптации мировых торговой и валютно-финансовой систем к реалиям многополярного мира и последствиям кризиса экономической глобализации, прежде всего в интересах снижения возможностей недружественных государств злоупотреблять своим монопольным или доминирующим положением в отдельных сферах мировой экономики, расширения участия развивающихся государств в глобальном экономическом управлении;
 - 2) снижению зависимости российской экономики от недружественных действий иностранных государств, прежде всего посредством развития деполитизированной, безопасной, независимой от недружественных государств международной платежной инфраструктуры и расширения практики использования национальных валют в расчетах с союзниками и партнерами;
 - 3) укреплению российского присутствия на мировых рынках, увеличению несырьевого неэнергетического экспорта, географической диверсификации экономических связей с их переориентацией на государства, проводящие конструктивную и нейтральную политику в отношении Российской Федерации, при сохранении открытости к прагматичному сотрудничеству с деловыми кругами недружественных государств;
 - 4) улучшению условий доступа России на мировые рынки, защите российских организаций, инвестиций, товаров и услуг за ее пределами от дискриминации, недобросовестной конкуренции,

- попыток иностранных государств в одностороннем порядке регулировать ключевые для российского экспорта мировые рынки;
- 5) защите российской экономики и международных торгово-экономических связей от недружественных действий иностранных государств посредством применения специальных экономических мер в качестве ответной реакции на такие действия;
 - 6) содействию привлечению в Россию иностранных инвестиций, передовых знаний и технологий, высококвалифицированных специалистов;
 - 7) поощрению отвечающих интересам России процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции, прежде всего в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а также в целях формирования Большого Евразийского партнерства;
 - 8) использованию уникального географического положения и транзитного потенциала России для развития национальной экономики, укрепления транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности в Евразии.
- 40.** В целях повышения устойчивости системы международных отношений к кризисам, улучшения социально-экономической и гуманитарной ситуации в мире, ликвидации последствий вооруженных конфликтов, реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, укрепления позитивного восприятия России в мире Российская Федерация намерена содействовать международному развитию, уделяя приоритетное внимание социально-экономическому развитию Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, государств – членов ЕАЭС, государств – участников СНГ, поддерживающих добрососедские отношения с Россией, а также развивающихся государств, проводящих конструктивную политику в отношении Российской Федерации.

Охрана окружающей среды и глобальное здравоохранение

- 41.** В целях сохранения благоприятной окружающей среды, улучшения ее качества, рациональной адаптации России к изменениям

климата в интересах современного и будущих поколений Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) содействию научно обоснованным неполитизированным международным усилиям по ограничению негативного воздействия на окружающую среду (включая сокращение выбросов парниковых газов), сохранению и повышению поглощающей способности экосистем;
- 2) расширению сотрудничества с союзниками и партнерами в интересах противодействия политизации международной природоохранной и климатической деятельности, прежде всего ее осуществлению в целях недобросовестной конкуренции, вмешательства во внутренние дела государств и ограничения суверенитета государств в отношении их природных ресурсов;
- 3) поддержке права каждого государства самостоятельно выбирать оптимальные для себя механизмы и способы охраны окружающей среды и адаптации к изменениям климата;
- 4) содействию выработке единых для всех, понятных и справедливых глобальных правил природоохранного и климатического регулирования с учетом Парижского соглашения от 12 декабря 2015 г., принятого на основе Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 г.;
- 5) повышению эффективности международного сотрудничества в сфере разработки и внедрения передовых технологий, способствующих сохранению благоприятной окружающей среды и улучшению ее качества, адаптации государств к изменениям климата;
- 6) предотвращению нанесения трансграничного ущерба окружающей среде Российской Федерации, прежде всего занесения на ее территорию загрязняющих веществ (в том числе радиоактивных), карантинных, особо опасных и опасных вредителей растений, возбудителей болезней растений, растений-сорняков и микроорганизмов.

42. В целях содействия охране здоровья и обеспечения социального благополучия народов России и других государств Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) повышению эффективности международного сотрудничества в сфере здравоохранения и противодействию его политизации, в том числе в рамках международных организаций;
- 2) консолидации международных усилий в целях предупреждения распространения опасных инфекционных заболеваний, своевременного и эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации санитарно-эпидемиологического характера, борьбы с хроническими неинфекционными заболеваниями, преодоления социально-экономических последствий пандемий и эпидемий;
- 3) повышению эффективности международных научных исследований в сфере здравоохранения, прежде всего направленных на разработку и внедрение новых средств профилактики, диагностики и лечения заболеваний.

Международное гуманитарное сотрудничество

43. В целях усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, формирования ее позитивного восприятия за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, противодействия кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями, а также повышения взаимопонимания и укрепления доверия между государствами Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сферах культуры, науки, образования и искусства, а также укреплению образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма;
- 2) поддержке распространения русского языка и укреплению его позиций как языка международного общения, одного из официальных языков ООН и ряда других международных организаций, содействию изучению и использованию русского языка в иностранных государствах (прежде всего

- в государствах – участниках СНГ), сохранению и усилению роли русского языка в межнациональном и межгосударственном общении, в том числе осуществляемом на площадках международных организаций, защите русского языка от дискриминации за рубежом;
- 3) развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений;
 - 4) содействию в развитии международных связей религиозных организаций, принадлежащих к традиционным для России конфессиям, защите от дискриминации за рубежом Русской православной церкви, в том числе в интересах обеспечения единства православия;
 - 5) содействию в формировании единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств – участников СНГ, сохранению многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств;
 - 6) обеспечению гарантированного свободного доступа российских спортсменов и спортивных организаций к международной спортивной деятельности, содействию ее деполитизации, совершенствованию деятельности международных спортивных межправительственных и общественных организаций, а также развитию новых форматов международного спортивного сотрудничества с государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России.
- 44.** В целях противодействия фальсификации истории, разжиганию ненависти к России, распространению идеологии неонацизма, расовой и национальной исключительности, агрессивного национализма и укрепления моральных, правовых и институциональных основ современных международных отношений, основывающихся главным образом на общепризнанных итогах Второй мировой войны, Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) распространению за рубежом правдивой информации о роли и месте России в мировой истории и формировании справедливого миропорядка, в том числе о решающем вкладе Советского Союза в победу над нацистской Германией и в создание ООН, о его масштабном содействии в деколонизации и становлении государственности народов Африки, Азии и Латинской Америки;
- 2) принятию как в рамках профильных международных площадок, так и на уровне двусторонних отношений с иностранными партнерами необходимых мер по противодействию искажению значимых событий мировой истории, затрагивающих интересы России, в том числе замалчиванию преступлений, реабилитации и героизации германских нацистов, японских милитаристов и их пособников;
- 3) принятию мер реагирования в отношении иностранных государств и их объединений, иностранных должностных лиц, организаций и граждан, причастных к совершению недружественных действий в отношении российских объектов, имеющих историко-мемориальное значение и находящихся за рубежом;
- 4) содействию конструктивному международному сотрудничеству по сохранению исторического и культурного наследия.

Защита российских граждан и организаций от иностранных противоправных посягательств, оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, международное сотрудничество в сфере прав человека

45. В целях защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан (включая несовершеннолетних), защиты российских организаций от иностранных противоправных посягательств, а также противодействия кампании русофобии, развязанной недружественными государствами, Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) мониторингу недружественных действий в отношении российских граждан и организаций, таких как применение ограничительных мер (санкций) политического или экономического характера, необоснованное юридическое преследование,

- совершение преступлений, дискриминация, разжигание ненависти;
- 2) принятию мер воздействия и специальных экономических мер в отношении иностранных государств и их объединений, иностранных должностных лиц, организаций и граждан, причастных к совершению недружественных действий в отношении российских граждан и организаций, а также к нарушению основополагающих прав и свобод соотечественников, проживающих за рубежом;
 - 3) повышению эффективности глобальных, региональных и двусторонних механизмов международной защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан и защиты российских организаций, а также формированию в случае необходимости новых механизмов в этой сфере.
46. В целях развития связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказания им всесторонней поддержки (с учетом их значительного вклада в сохранение и распространение русского языка и российской культуры) в связи с их систематической дискриминацией в ряде государств Российская Федерация, являясь ядром цивилизационной общности Русского мира, намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) содействию консолидации конструктивно настроенных по отношению к России соотечественников, проживающих за рубежом, и оказанию им поддержки в защите их прав и законных интересов в государствах проживания, прежде всего в недружественных государствах, сохранении ими общероссийской культурной, языковой идентичности и российских духовно-нравственных ценностей, связей с исторической Родиной;
 - 2) поощрению добровольного переселения в Российскую Федерацию конструктивно настроенных по отношению к России соотечественников, особенно тех, кто подвергается дискриминации в государствах проживания.
47. Россия признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного

права, считает отказ от лицемерия и добросовестное выполнение государствами своих обязательств в этой сфере одним из условий прогрессивного и гармоничного развития человечества. В целях содействия уважению и соблюдению прав и свобод человека в мире Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) обеспечению учета интересов России, ее национальных, социокультурных, духовно-нравственных и исторических особенностей при совершенствовании международно-правового регулирования и международных механизмов в сфере прав человека;
- 2) мониторингу и приданию огласке реальной ситуации с соблюдением прав и свобод человека в мире, прежде всего в государствах, претендующих на собственную исключительность в вопросах соблюдения прав человека и определения международных норм в этой сфере;
- 3) искоренению политики двойных стандартов в международном сотрудничестве в сфере прав человека, приданию ему неполитизированного, равноправного и взаимоуважительного характера;
- 4) противодействию использованию правозащитной тематики в качестве инструмента внешнего давления, вмешательства во внутренние дела государств и оказания деструктивного влияния на деятельность международных организаций;
- 5) принятию мер воздействия в отношении иностранных государств и их объединений, иностранных должностных лиц, организаций и граждан, причастных к нарушению основополагающих прав и свобод человека.

Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации

48. В целях формирования объективного восприятия России за рубежом, укрепления ее позиций в мировом информационном пространстве, противодействия скоординированной антироссийской пропагандистской кампании, осуществляемой на систематической основе недружественными государствами и включающей в себя дезинформацию, клевету и разжигание ненависти, а также обеспечения свободного доступа населения иностранных государств

к достоверной информации Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) доведению до максимально широкой иностранной аудитории правдивой информации о внешней и внутренней политике Российской Федерации, ее истории и достижениях в различных сферах жизнедеятельности, иной достоверной информации о России;
- 2) содействию распространению за рубежом информации, способствующей упрочению международного мира и взаимопонимания, развитию и налаживанию дружественных отношений между государствами, укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве объединяющего начала для всего человечества, а также повышению роли России в мировом гуманитарном пространстве;
- 3) обеспечению защиты от дискриминации за рубежом и содействию в укреплении позиций в мировом информационном пространстве российских средств массовой информации и массовых коммуникаций, в том числе отечественных цифровых информационных платформ, а также конструктивно настроенных по отношению к России средств массовой информации соотечественников, проживающих за рубежом;
- 4) совершенствованию инструментов и методов информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации, в том числе повышению эффективности использования современных информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети;
- 5) совершенствованию международных механизмов и норм регулирования и защиты деятельности средств массовой информации и массовых коммуникаций, обеспечения свободного доступа к ним, создания и распространения информации;
- 6) созданию благоприятных условий для деятельности иностранных средств массовой информации на территории России на основе принципа взаимности;
- 7) дальнейшему формированию общего информационного пространства Российской Федерации и государств – участников

СНГ, наращиванию сотрудничества в информационной сфере с государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России.

V

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ближнее зарубежье

49. Наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и цивилизации являются обеспечение устойчивых долгосрочных добрососедских отношений и объединение потенциалов в различных сферах с государствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами, связанными с Россией многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами. В целях дальнейшего преобразования ближнего зарубежья в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) предотвращению и урегулированию вооруженных конфликтов, улучшению межгосударственных отношений и обеспечению стабильности в ближнем зарубежье, в том числе пресечению инспирирования «цветных революций» и иных попыток вмешательства во внутренние дела союзников и партнеров России;
- 2) обеспечению гарантированной защиты России, ее союзников и партнеров при любом развитии военно-политической обстановки в мире, укреплению системы региональной безопасности, основанной на принципе неделимости безопасности и ключевой роли России в сохранении и укреплении региональной безопасности, взаимодополняемости Союзного государства, ОДКБ и других форматов взаимодействия между Россией и ее союзниками и партнерами в сфере обороны и безопасности;

- 3) противодействию размещению или усилению военной инфраструктуры недружественных государств и иным угрозам безопасности России в ближнем зарубежье;
- 4) углублению отвечающих интересам России интеграционных процессов, стратегическому взаимодействию с Республикой Беларусь, укреплению системы взаимовыгодного всеобъемлющего многостороннего сотрудничества, основанной на сопряжении потенциалов СНГ и ЕАЭС, а также развитию дополнительных многосторонних форматов, включая механизм взаимодействия между Россией и государствами Центрально-Азиатского региона;
- 5) формированию в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии;
- 6) предотвращению и пресечению недружественных действий иностранных государств и их объединений, провоцирующих дезинтеграционные процессы в ближнем зарубежье и создающих препятствия для реализации суверенного права союзников и партнеров России на углубление всеобъемлющего сотрудничества с ней;
- 7) задействованию экономического потенциала добрососедства, прежде всего с государствами – членами ЕАЭС и государствами, заинтересованными в развитии экономических отношений с Россией, в целях формирования более широкого интеграционного контура в Евразии;
- 8) всеобъемлющей поддержке Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, содействию реализации основанного на международном праве добровольного выбора народов этих государств в пользу углубления интеграции с Россией;
- 9) укреплению сотрудничества в зоне Каспийского моря, исходя из исключительной компетенции пяти прикаспийских государств в решении всех вопросов, касающихся этого региона.

Арктика

50. Россия стремится к сохранению мира и стабильности, повышению экологической устойчивости, снижению уровня угроз национальной безопасности в Арктике, обеспечению благоприятных международных

условий для социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (включая защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни проживающих в этой зоне коренных малочисленных народов), а также для развития Северного морского пути в качестве конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью его международного использования для осуществления перевозок между Европой и Азией. В этих целях Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) мирному решению международных вопросов, касающихся Арктики, исходя из особой ответственности арктических государств за устойчивое развитие региона и достаточности Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. для регулирования межгосударственных отношений в Северном Ледовитом океане (включая защиту морской среды и разграничение морских пространств);
- 2) нейтрализации курса недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне Российской Федерации;
- 3) обеспечению неизменности исторически сложившегося международно-правового режима внутренних морских вод Российской Федерации;
- 4) налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути.

Евразийский континент.

Китайская Народная Республика, Республика Индия

51. Особо важное значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики Российской Федерации имеет всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте и приверженными

подходам, принципиально совпадающим с российскими подходами к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики.

52. Россия нацелена на дальнейшее упрочение отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой и уделяет приоритетное внимание развитию обоюдновыгодного сотрудничества во всех сферах, оказанию взаимопомощи и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира.
53. Россия будет и далее наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе и уделять особое внимание увеличению объемов двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, обеспечению их устойчивости к деструктивным действиям недружественных государств и их объединений.
54. Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общееконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. Достижение этой цели предполагает:
 - 1) всемерное укрепление потенциала и роли ШОС в обеспечении безопасности в Евразии и содействии ее устойчивому развитию путем совершенствования деятельности Организации с учетом современных геополитических реалий;
 - 2) формирование широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений

- Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии;
- 3) укрепление экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, в том числе посредством модернизации и увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, скорейшего запуска международного транспортного коридора «Север – Юг», совершенствования инфраструктуры международного транспортного коридора «Европа – Западный Китай», Каспийского и Черноморского регионов, Северного морского пути, создания зон развития и экономических коридоров в Евразии, в том числе экономического коридора «Россия – Монголия – Китай», а также наращивания регионального сотрудничества в сфере цифрового развития и формирования энергетического партнерства;
 - 4) урегулирование ситуации в Афганистане, содействие его становлению в качестве суверенного, мирного, нейтрального государства с устойчивой экономикой и политической системой, отвечающей интересам всех населяющих его этнических групп, что откроет перспективы интеграции Афганистана в евразийское пространство сотрудничества.

Азиатско-Тихоокеанский регион

55. С учетом динамично растущего многопланового потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:
- 1) наращиванию сотрудничества в сферах экономики, безопасности, гуманитарной сфере и иных сферах с государствами региона и АСЕАН;
 - 2) содействию формированию в регионе всеобъемлющей, открытой, неделимой, транспарентной, многосторонней и равноправной архитектуры безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на коллективных внеблоковых началах, а также задействованию потенциала региона в целях формирования Большого Евразийского партнерства;

- 3) поощрению конструктивного неполитизированного диалога и межгосударственного взаимодействия в различных сферах, в том числе с использованием возможностей форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество»;
- 4) противодействию попыткам расшатать созданную вокруг АСЕАН региональную систему многосторонних объединений в сфере обеспечения безопасности и развития, основанную на принципах консенсуса и равноправия ее участников;
- 5) развитию широкого международного сотрудничества в интересах противодействия политике, направленной на проведение разделительных линий в регионе.

Исламский мир

56. Все более востребованными и надежными партнерами России в вопросах обеспечения безопасности, стабильности, решения экономических проблем на глобальном и региональном уровнях становятся государства дружественной исламской цивилизации, перед которой в реалиях многополярного мира открываются широкие перспективы становления в качестве самостоятельного центра мирового развития. Россия стремится укреплять всеобъемлющее взаимовыгодное сотрудничество с государствами – членами Организации исламского сотрудничества, уважая их общественно-политические уклады и традиционные духовно-нравственные ценности. В этих целях Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- 1) развитию всеобъемлющего и доверительного взаимодействия с Исламской Республикой Иран, всесторонней поддержке Сирийской Арабской Республики, а также углублению многопланового обоюдывыгодного партнерства с Турецкой Республикой, Королевством Саудовская Аравия, Арабской Республикой Египет и другими государствами – членами Организации исламского сотрудничества с учетом степени их суверенности и конструктивности проводимой ими политики в отношении Российской Федерации;
- 2) формированию на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности

- и сотрудничества на основе объединения потенциалов всех государств и межгосударственных объединений регионов, включая Лигу арабских государств и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Россия намерена активно взаимодействовать со всеми заинтересованными государствами и межгосударственными объединениями в целях претворения в жизнь российской Концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива, рассматривая реализацию данной инициативы в качестве важного шага на пути к устойчивой и всеобъемлющей нормализации ситуации в Ближневосточном регионе;
- 3) продвижению межрелигиозного, межкультурного диалога и взаимопонимания, консолидации усилий по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, борьбе с исламофобией, в том числе по линии Организации исламского сотрудничества;
 - 4) сглаживанию противоречий и нормализации отношений между государствами – членами Организации исламского сотрудничества, а также между этими государствами и их соседями (прежде всего Исламской Республикой Иран и арабскими странами, Сирийской Арабской Республикой и ее соседями, арабскими странами и Государством Израиль), в том числе в рамках усилий, направленных на всеобъемлющее и долгосрочное решение палестинского вопроса;
 - 5) содействию урегулированию и преодолению последствий вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Южной, Юго-Восточной Азии и других регионах, в которых расположены государства – члены Организации исламского сотрудничества;
 - 6) задействованию экономического потенциала государств – членов Организации исламского сотрудничества в целях формирования Большого Евразийского партнерства.

Африка

57. Россия солидарна с африканскими государствами в их стремлении к установлению более справедливого многополярного мира и устранению социально-экономического неравенства, усиливающегося из-за

изошренной неокOLONиальной политики ряда развитых государств в отношении Африки. Российская Федерация намерена способствовать дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития, уделяя приоритетное внимание:

- 1) поддержке в обеспечении суверенитета и независимости заинтересованных государств Африки, в том числе посредством оказания содействия в сферах безопасности, включая продовольственную и энергетическую безопасность, военного и военно-технического сотрудничества;
- 2) содействию в урегулировании и преодолении последствий вооруженных конфликтов в Африке, в особенности межнациональных и этнических, выступая за главенствующую роль африканских государств в этих усилиях, исходя из сформулированного ими принципа «африканским проблемам – африканское решение»;
- 3) укреплению и углублению российско-африканского взаимодействия в различных сферах на двусторонней и многосторонней основе, в первую очередь в рамках Африканского союза, Форума партнерства Россия – Африка;
- 4) увеличению объемов торговли и инвестиций с африканскими государствами и интеграционными структурами Африки (прежде всего Африканской континентальной зоной свободной торговли, Африканским экспортно-импортным банком и другими ведущими субрегиональными организациями), в том числе по линии ЕАЭС;
- 5) оказанию содействия и развитию связей в гуманитарной сфере, включая научное сотрудничество, подготовку национальных кадров, укрепление систем здравоохранения, предоставление иной помощи, продвижение межкультурного диалога, защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, права на свободу вероисповедания.

Латинская Америка и Карибский бассейн

58. С учетом поступательного укрепления суверенитета и многопланового потенциала государств Латинской Америки и Карибского

бассейна Российская Федерация намерена развивать отношения с ними на прагматичной, деидеологизированной и взаимовыгодной основе, уделяя приоритетное внимание:

- 1) поддержке заинтересованных латиноамериканских государств, подвергающихся давлению США и их союзников, в обеспечении суверенитета и независимости, в том числе посредством налаживания и расширения взаимодействия в сферах безопасности, военного и военно-технического сотрудничества;
- 2) укреплению дружбы, взаимопонимания и углублению многопланового обоюднвыгодного партнерства с Федеративной Республикой Бразилией, Республикой Куба, Республикой Никарагуа, Боливарианской Республикой Венесуэла, развитию отношений с другими латиноамериканскими государствами с учетом степени их самостоятельности и конструктивности проводимой ими политики в отношении Российской Федерации;
- 3) увеличению объемов взаимной торговли и инвестиций с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, в том числе в рамках сотрудничества с Сообществом латиноамериканских и карибских государств, Южноамериканским общим рынком, Центральноамериканской интеграционной системой, Боливарианским альянсом для народов Америки, Тихоокеанским альянсом, Карибским сообществом;
- 4) расширению культурных, научных, образовательных, спортивных, туристских и иных гуманитарных связей с государствами региона.

Европейский регион

59. Большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России, направленную на создание угроз безопасности и суверенитету Российской Федерации, получение односторонних экономических преимуществ, подрыв внутривнутриполитической стабильности и размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, создание препятствий для сотрудничества России с союзниками и партнерами. В связи с этим Российская Федерация

намерена последовательно защищать свои национальные интересы, уделяя приоритетное внимание:

- 1) снижению уровня и нейтрализации угроз безопасности, территориальной целостности, суверенитету, традиционным духовно-нравственным ценностям и социально-экономическому развитию России, ее союзников и партнеров со стороны недружественных европейских государств, Организации Североатлантического договора, Европейского союза и Совета Европы;
- 2) созданию условий для прекращения недружественных действий европейских государств и их объединений, полного отказа этих государств и их объединений от антироссийского курса (в том числе от вмешательства во внутренние дела России), а также для их перехода к долгосрочной политике добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с Россией;
- 3) формированию новой модели сосуществования с европейскими государствами, позволяющей обеспечить безопасное, суверенное и поступательное развитие России, ее союзников и партнеров, прочный мир в европейской части Евразии, в том числе с учетом потенциала многосторонних форматов, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

60. Объективными предпосылками для формирования новой модели сосуществования с европейскими государствами являются географическая близость, исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические связи народов и государств европейской части Евразии. Главным фактором, осложняющим нормализацию отношений России и государств Европы, является стратегический курс США и их отдельных союзников на проведение и углубление разделительных линий в Европейском регионе в целях ослабления и подрыва конкурентоспособности экономик России и государств Европы, ограничения суверенитета европейских государств, обеспечения глобального доминирования США.

61. Осознание государствами Европы безальтернативности мирного сосуществования и взаимовыгодного равноправного сотрудничества с Россией, повышение уровня их внешнеполитической

самостоятельности и переход к политике добрососедства с Российской Федерацией благоприятно скажутся на безопасности и благополучии Европейского региона, помогут европейским государствам занять достойное место в Большом Евразийском партнерстве и многополярном мире.

США и другие англосаксонские государства

62. Курс России в отношении США носит комбинированный характер с учетом роли этого государства как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и в то же время главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, справедливого и поступательного развития человечества.
63. Российская Федерация заинтересована в поддержании стратегического паритета, мирном сосуществовании с США и установлении баланса интересов между Россией и США с учетом их статуса крупнейших ядерных держав, особой ответственности за стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом. Перспективы формирования такой модели российско-американских отношений зависят от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования и пересмотру антироссийского курса в пользу взаимодействия с Россией на основе принципов суверенного равенства, обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга.
64. Отношения с другими англосаксонскими государствами Российская Федерация намерена выстраивать в зависимости от степени их готовности отказаться от недружественного курса в отношении России и уважать ее законные интересы.

Антарктика

65. Россия заинтересована в сохранении Антарктики как демилитаризованного пространства мира, стабильности и равноправного сотрудничества, в поддержании экологической устойчивости

и расширении своего присутствия в регионе. В этих целях Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание сохранению, эффективному выполнению и прогрессивному развитию системы Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г.

VI ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

66. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внешней политики государства, осуществляет руководство ею и как глава государства представляет Российскую Федерацию в международных отношениях.
67. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий проводят работу по законодательному обеспечению реализации внешнеполитического курса Российской Федерации и выполнения ее международных обязательств, а также способствуют выполнению задач парламентской дипломатии.
68. Правительство Российской Федерации принимает меры по реализации внешней политики Российской Федерации и осуществлению международного сотрудничества.
69. Государственный Совет Российской Федерации в пределах своей компетенции участвует в разработке стратегических задач и целей внешней политики Российской Федерации, оказывает содействие Президенту Российской Федерации по вопросам определения основных направлений внешней политики Российской Федерации.
70. Совет Безопасности Российской Федерации осуществляет формирование основных направлений государственной внешней политики, прогнозирование, выявление, анализ, оценку угроз национальной безопасности и выработку мер по их нейтрализации, подготовку предложений Президенту Российской Федерации о применении

специальных экономических мер в целях обеспечения национальной безопасности, рассмотрение вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения национальных интересов и национальной безопасности, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внешних угроз.

71. Министерство иностранных дел Российской Федерации разрабатывает общую стратегию внешней политики Российской Федерации и представляет соответствующие предложения Президенту Российской Федерации, осуществляет реализацию внешнеполитического курса, координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в области международных отношений и международного сотрудничества, а также координацию международных связей субъектов Российской Федерации.
72. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству оказывает Министерству иностранных дел Российской Федерации содействие в проведении единой внешнеполитической линии в части, касающейся координации программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества, а также в осуществлении государственной политики, направленной на оказание содействия международному развитию на двустороннем уровне.
73. Иные федеральные органы исполнительной власти осуществляют международную деятельность в пределах своих полномочий в соответствии с принципом единства внешней политики Российской Федерации при координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации.
74. Субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий осуществляют международные и внешнеэкономические связи с учетом

большого значения межрегионального и приграничного сотрудничества для развития отношений Российской Федерации с иностранными государствами.

75. При подготовке и реализации внешнеполитических решений федеральные органы исполнительной власти взаимодействуют с палатами Федерального Собрания Российской Федерации, российскими политическими партиями, Общественной палатой Российской Федерации, некоммерческими организациями, культурно-гуманитарными объединениями, Русской православной церковью и другими религиозными организациями традиционных конфессий, представителями экспертного и научного сообщества, деловых кругов и средств массовой информации, способствуя их участию в международном сотрудничестве. Широкое вовлечение конструктивно настроенных общественных сил во внешнеполитический процесс способствует формированию общенационального согласия в отношении внешней политики Российской Федерации, содействует ее реализации, имеет важное значение для более эффективного решения различных вопросов международной повестки дня.
76. Для финансирования внешнеполитических мероприятий могут привлекаться на добровольной основе внебюджетные средства в рамках государственно-частного партнерства.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
I. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.....	6
II. КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ: ИСТОКИ И ВАРИАНТЫ.....	23
III. КАКАЯ РОССИЯ: ПРЕДСКАЗУЕМАЯ И ОТКРЫТАЯ МИРУ.....	44
IV. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ.....	55
V. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: ПОВОРОТ К МИРОВОМУ БОЛЬШИНСТВУ.....	65
VI. РОССИЯ И МИР.....	85
Приложение: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229).....	95

УДК 327

ББК 66.4

Я 47

Рецензенты:

Дробинин А.Ю. – директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России.

Крамаренко А.М. – директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Автор:

Яковенко А.В. – ректор Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан.

Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция: монография. – Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-6048376-2-7

В марте 2023 года Президент В.В. Путин утвердил новую редакцию Концепции внешней политики России. Монография разъясняет основные положения этого ключевого документа.

Издание ориентировано на специалистов-международников, читателей, интересующихся международными отношениями, мировой политикой и внешнеполитической стратегией России на современном этапе.

Монография рекомендована Ученым советом Дипломатической академии МИД России для использования в учебном процессе для бакалавров, магистрантов и аспирантов Академии.

© Яковенко А. В., 2023

© Дипломатическая академия МИД России, 2023

Отпечатано в ООО «Типография «Гарт»

105082, г. Москва, ул. Краснобогатырская, 2, стр. 53В.

Заказ № 560.